

ТВЕРДЫНЯ
ГРЁЗ

Елена Маврина

12+

Елена Маврина
Твердыня грёз

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маврина Е.

Твердыня грёз / Е. Маврина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Алефа – твердыня грёз, неприступно хранящая сокровенные мечты детства. Некогда правители Царны уничтожили в небе разрушительную звезду. Её осколки падают в жуткие чернолесья провинций, губительными отблесками превращая младенцев новолуний в крадушей – воров душ, насылающих на людей кошмары безумия. Три века им противостоят верные династии гончие Казмера и кудесники – преданные воспитанники башен града, обладающие мистическими способностями. Горан Мильвус – талантливый кудесник. Его заветная мечта – ступить в волшебные чертоги Алефы, но помочь в её осуществлении способна лишь магия крадушей...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
1	16
2	19
Глава 3	24
Глава 4	32
1	32
2	36
Глава 5	43
1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

На крепостную стену опустились три птицы. Белые альтурги, называемые в народе хранителями сказаний. Огромная редкость повстречать их вблизи шумного града. Прекрасные птицы задержались на расстоянии пяти шагов, открытые восхищенному наблюдателю из окна башни. Они чистили блестящие на солнце пёрышки, изгибая золотые шеи и узорные крылья с изящностью лебедей. Крупные птицы с длинными хвостами-стрелами. При каждом движении на головах раскачивались чешуйчатые короны оперения. Сапфировые бусины глаз блестели над крючковатыми носами, поглядывая на каменные ограждения и в бойницы укрепления на запад – в туманную даль, где раскинулись скалистые земли огромной Царны. Житель башенной комнаты боялся тревожить миг чуда. Созерцать хранителей выпадало в жизни единицам счастливых.

– Горан! – нетерпеливо позвали за глухой дверью.

Птицы взметнулись испуганно в безоблачную синеву неба. Их парящие тела исчезали золотыми лучами в багрянце горизонта. Осень... Дожди еще не пришли с южных морей. Леса пламенели листвой и ягодами.

– Погоди, Ализ! Минуту!

Юноша глубоко вдохнул прохладный воздух, волнительно предчувствуя встречу. Застегнув латунные пуговицы на высоком воротнике белой рубашки, Горан стряхнул светлые ворсинки с зелени сюртука и брюк. Ботинки блестели новизной. Сегодня вся одежда на нем служила образу признательного воспитанника. Здесь, в Янтарном граде, он получил возможность воплотить мечту. Пять лет усердных занятий, тренировок, состязаний. Теперь ему четырнадцать. Наступил момент посвящения.

Горан осмотрел строгое убранство каменной комнаты: узкая кровать, квадратный стол, стул, ветхий шкафчик в углу. Они достанутся новому ученику – претенденту на заветное вступление в ряды людей, которым открывалось волшебство могучих предков. Властители, мудрецы, управители. Таинственные стражи магической цитадели Алефы – твердыни грёз.

Из скрипучего ящика стола Горан извлек треугольный осколок зеркала. Каре-зелёный глаз придирчиво осмотрел бледную щеку, густые брови. Рука поправила непослушную челку каштановых волос. Была б его воля, он бы остриг их пышную копну, но Ализ посмеялась над такой задумкой и сказала, что его станут путать с воинственным гончим Казмера. Горан спрятал зеркальце в чемодан и вышел за дверь.

В длинном коридоре башни шумели голоса воспитанников. Подростки в строгих зелено-серых костюмах собирались в группы друзей, ожидая провожатых.

– Горан, мы опаздываем.

Ализ сомкнула ладони на светло-коричневой юбке длинного платья. Ее пепельно-белые волосы обрамляли округлое лицо кудрявыми волнами. Родинки на тонком носике и розовых щеках подчёркивали лисий изгиб глаз. Укоряющий взгляд, слабая улыбка.

– Прости. – Эмоции восторга рвались наружу: – Ализ... представь, – прошептал таинственно, – я видел альтургов!

– Что? – рассмеялась она, сплетая руки на алом атласе пояса. Рубины в ушах трепетали углями жаровни. – Странная шутка.

Горан смотрел сверху вниз покровительственно.

– Я не шучу. Они сидели на крепостной стене. Словно в преданиях.

– Глупости. – Ализ читала в его глазах уверенность. Ее возмущение сменялось замешательством. – Альтурги покинули леса Янтарного града многие годы назад.

– Но я видел их, как тебя сейчас.

Ализ уступила настойчивости голоса – одарила своей исключительной улыбкой, чарующей ощущением избранности. Горан одернул рукава сюртука, выравнивая осанку. Сегодня он действительно станет особенным человеком – жителем фантастических мест, о которых дети Царны слышали только в сказках.

– Горан, птицы, вероятно, вырвались из темниц змеядов. Старик Тохо рассказывал на занятиях, что мерзкая рать безродных отлавливала альтургов и продавала змеядам для чёрных ритуалов.

По коридору загромычала колесами двухъярусная тележка с плащами. Друзья приветливо кивнули дежурному мальчишке, отходя к узкому прямоугольнику зарешёченного окна.

– Я читал, что альтурги скрылись от охотников. Мореплаватели встречали птиц над южными морями. Над степями и скалами, над...

Ализ коснулась его плеча, вразумляя:

– Сейчас не время рассуждать о вымирающих чудесах.

Коридор ожил голосами, приветствуя сопровождаителей. Воспитанников охватило беспокойное предвкушение Великого заседания. Один раз в году нескольким смельчакам удавалось доказать свою исключительность и полезность в правом деле служения династии Янтарного града. Сорок с лишним подростков в коридоре являлись соперниками и соперницами, но Горан знал, что победил их редким искусством и бесстрашием. Он привёл в град Роха – крадуш, чей опасный дар таил в себе угрозу мирному существованию людей. На поиски крадущей уходили десятилетия блужданий следопытов, неудач охотников и погонь гончих Казмера. Горан справился за месяц: смог убедить одиннадцатилетнего сорванца явиться напрямую в град.

Шум разговоров вносил в самодовольные мысли сумятицу. Горан отвёл взгляд от радиальных улиц, покрытых янтарем, словно улей – медом. Его внимание утонуло в синеве глаз Ализ. Прямота её эмоций всегда ввергала мальчишек в молчаливое смущение. Но девочку забавляла редкая застенчивость бесстрашного кудесника.

– Вам нравится эта базарная суматоха? – ворчливый голос Бруно уничтожил неловкость момента.

– Сопроводители проверяют пригласительные, – ответил Горан, важно смыкая руки за спиной.

Рядом с Бруно приветливо кивнул Дирк. Бруно и Дирк – двоюродные братья, отданные на воспитание в башню Янтарного града состоятельными родителями с севера Царны. Ребята всегда выглядели чопорно, держались горделиво, хотя и смотрелись вместе немного комично: высокий, полноватый Бруно и худощавый малыш Дирк. Светлые рубашки белели в тон волосам, бровям и бледности кожи, создавая впечатление, что братьев осыпали мукой.

Из черноты перехода появился командир бастиона кудесников – Хэварт. Его круглые глаза изучили ребят с неодобрением. Он оглянулся на воспитанников, шумно надевающих шерстяные плащи, и поманил братьев пальцем ближе. Круг друзей сомкнулся теснее, закрывая собой хрупкую фигуру Ализ. Мальчишки часто держались с Ализ высокомерно. Разница в год обманчиво уменьшала её до ранимого ребенка, при том, что ворожея никогда не отличалась робким нравом.

В четырнадцать лет выпускники Башни Воспитанников сдавали экзамены со смелой претензией на посвящение – обучение в Замке Воителей при Алефе. В зависимости от результатов экзаменов выпускники переводились в восточные башни града, где обучались профессиям до семнадцатилетия, – все, кроме бастиона ворожей, направляемых Советом мудрецов служить в замки чернолесья в тринадцатый день рождения. Ализ умела говорить с водой. Великое заседание она ожидала с надеждой на заветную путевку к перламутровым стенам твердыни.

– Сопроводители ползут улитками. Господин Трость велел явиться в Меловую башню через... – Хэварт вскинул правую руку, демонстрируя скрипучие механические часы, отсчитывающие двенадцатый час, – через двадцать минут.

– Мы не успеем, – вздохнул устало Дирк.

– Ерунда! – Хэварт заправил русые волосы за широкие уши, отколол от нагрудного кармана сюртука хризолитовую брошь в виде жука-скакуна на свинцовых лапках. – Цорка проведет нас.

Долговязый Хэварт поднес брошь к толстым губам и дунул на нее с таинственным видом фокусника. Друзья затаили дыхание. Брошь выскользнула из его ладоней юрким жуком. Раздался тихий цокот лапок. Ребята поспешили следом за хризолитовым насекомым сквозь исчезающие зигзаги стен.

– Невероятно! Хэв, ты смастерил его! – выкрикивал на задыхающемся бегу Бруно.

Пыль осыпалась с разверзнутой кладки плит.

– Пять лет понадобилось. Я надеюсь на победу, – улыбнулся долговязый кудесник. – Растворять преграды – утраченный дар крылатых алатов¹.

Дирк спотыкался о пороги кладовых, путаясь в паутине и возмущаясь:

– Но победа достанется Горану.

Хэварт оглянулся, а Горан лишь развел руками.

Жук скользнул под нишу в обеденном зале – стена исчезла. Воспитанники выбежали на многолюдную улицу под грохот смыкающихся за спинами камней. За несколько минут остались позади десятки мелких туннелей, проходов и коридоров башни. Изумрудные ели высились стройной оградой площади Созвучия. Друзья начали размеренный шаг по жёлтой брусчатке под конвоем волчьих взглядов стражей надзора.

– Эта увертка обернется нам мытьем всех башенных ступеней.

– Сегодня заседание, Лиз. – Хэварт наклонился к плечу девочки, забирая с него хризолитового жука. – Озорство повсюду.

Прохожие обменивались шутивными репликами. Мимо четверки нарушителей правил, смеясь, простучали каблуками женщины в платьях-пальто с пышными юбками. Население града достало из шкафов нарядные одежды, соорудило замысловатые прически и отправилось демонстрировать украшения. День Великого заседания считался огромным праздником, оправдывающим существование града как связующего моста между миром обыденным и магическими реальностями Древа времени. Дети в мерцающих костюмах мифических созданий Царны бегали по площади, распугивая птиц. За передвижными прилавками продавались сладости. Вспыхивали разноцветные хлопушки-фейерверки. Уличные музыканты играли на гитарах, дудели в дудочки, резали струны скрипок, а ветер уносил пронзительные и воркующие мелодии к шпилям башен, где над бастионами воспитанников развивались праздничные флаги завершения экзаменов.

Ребята свернули с брусчатки на тропу. Горан вдохнул сырой воздух, пропитанный горечью травных аллей. Багровые, коричневые, оранжевые краски листвы растекались по гранитным стенам домов, крыши которых высились янтарными шлемами.

– Интересно, кто прибудет послем из Замка Воителей? – спросил Бруно, поправляя значок бастиона кудесников: перо-стрела альтурга размером с мизинец блестела на сюртуке бронзой. – В прошлом году прилетал на рогатом кондоре верховный стратег западной рати Царны.

– Тигвар? Авгуры предсказывают появление в Меловой башне наставительницы ворожей. – Ализ нервно потерла на пальце Рыбье Око – серебряный перстень с ледяным адуляром, вручаемым при поступлении в бастион ворожеям Царны. – Я надеюсь на ее благосклонность.

– А я надеюсь, что прилетит чудище Олум, – с азартным предвкушением болтнул Дирк. – Старик Тохо уверял, что взгляд Олума заставляет раскрывать секреты.

Ализ укоряюще посмотрела на хихикающих братьев.

– Ты считаешь, что в Замке Воителей ходят в изящных одеждах и хвастают манерами?

¹ Алаты – крылатые рыси.

– Да, Хэварт, – вспыхнула Ализ. – Тебе всё равно в этом лично не убедиться.

Взгляд Хэварта обжег злостью, но возражать командир кудесников не стал. Горан начал расспрашивать братьев о праздничном обеде. Завязался спор о количестве угощений. Бруно и Дирк подбадривали его, сообщая, что лучшему воспитаннику бастиона достанется самый вкусный кусок торта. Горана не интересовали сладости. Он наслаждался минутами признания в нем победителя. Все годы обучения от утра до поздней ночи он стремился к единственной цели – оказаться в рядах избранников Замка Воителей. Слева от пера-стрелы кудесников на его груди чернел обсидиановый шип ордена воичей, объединяющего выдающихся воспитанников, желающих самоотверженно встать на защиту тайн Алефы. Мог ли подумать Горан, когда в шесть лет впервые услышал о бастионах и кудесниках, что сегодня будет шагать рядом с подростками, которые вскоре рискнут вершить историю Царны? Видели ли они пять лет назад в нём – нищем крестьянском мальчишке с востока – равного участника состязаний? Победителя? Взлелеянные и окрепшие надежды вскоре обретут вознаграждение. Быть лучше, стремиться к успеху. Никто во всей огромной стране не представлял, насколько трудный путь преодолел Горан ради сокровенной мечты – шагнуть в чертоги твердыни грёз.

Широкую лестницу в Меловую башню покрывали травяные ковры. На первой ступени выпускников ожидал Господин Трость. Этот длинный тощий человек неизменно и летом, и зимой носил шляпу и темно-серый плащ, вешал на орлиный нос круглые очки, а длинные ступни прятал в грубые ботинки. Шерстяной галстук выглядел на его вытянутой шее шнурком.

Господин Трость в свои шестьдесят лет поседел окончательно. Неудивительно. Он занимал влиятельную должность старшего воспитателя бастиона кудесников. Бруно, Дирк, в особенности – здоровяк Хэварт являлись его любимчиками. Горана всезнающий Трость называл настырной пиявкой, ведь упрямый мальчишка с самого появления в граде дотошно штурмовал сложности наук, преподаваемых в Башне Воспитанников.

– Через пять минут закончится Великое заседание, – причмокивая, произнес Господин Трость вместо приветствия. – Вы, птенчики, обязаны сидеть в первых рядах.

Ализ обняла мальчишек с пожеланиями удачи. От нее пахло мятными травами и малиновыми леденцами. Этот душистый аромат еще долго жил в Горане, когда он провожал ее взглядом до обособленной группы ворожей у янтарных медведей на пороге Меловой башни. Восьмигранное сооружение высотой в сорок метров издревле служило местом Великого заседания мудрецов Царны. Белоснежные стены отражали взгляды. Из-за многочисленных округлых окон башня напоминала многоглазое чудовище, наблюдающее за людьми с немым смирением и строгостью.

У стальных врат толпились дети. Формы бастионов четко разделяли подростков: коричневые платья ворожей, небесно-голубые мантии авгуров, бурые камзолы следопытов, кожаные куртки охотников и чёрные с красным плащи гончих Казмера. Кудесники брели серо-зеленой тучей унылых костюмов. Горан оттянул пальцем узкий воротник рубашки. Воздуха ему казалось мало, несмотря на то, что графитовые облака ползли по небу предвестниками дождя. Ветерок обдувал кожу холодком.

– Нам сквозь них не пройти, – печально вздохнул Дирк, оглядывая толпы подростков, и поджал обидчиво губы.

– Я могу провести. – Хэварт подмигнул Горану, но воспитатель стукнул деревянной тростью, материализуя на голове горного архара ее ручки хризолитового жука.

– На сегодня проказ достаточно. – Он осмотрел воспитанников водянисто-желтыми глазами; причмокнув, осведомил: – Я поведу вас вдоль апельсиновой рощи.

Вчетвером они вошли в тувые заросли, огибая тиковые скамейки и бронзовые фигуры почтеннейших мудрецов града. Тени опускались на лица масками. Квадратные плиты мрамора стелились дорожкой вдоль апельсиновых деревьев к ковanej калитке с золоченой надписью «Истина». Сутулясь, воспитатель снял фетровую шляпу и пригладил сальные пряди волос.

Удар его трости заставил калитку скрипнуть на петлях. Металлическая преграда отворилась, впуская гостей во владения Меловой башни.

В темноте туннеля вспыхнули красным факелы. Огонь трещал над головами, провожая путников сумеречным светом по безлюдным закоулкам зловонного подземелья. Эхо преследовало разбуженным хозяином.

Господин Трость беззвучно отворил замок деревянной двери в шипах – они оказались в помпезном Престольном зале, полыхающем фиолетовыми лепестками моровых цветов и желтыми гирляндами огневинок. Высокие окна в золоченых рамах пикетировали лепнину карнизов. Звенели голоса распределителей – гости рассаживались на лакированных скамьях, переговариваясь и восторгаясь праздничным убранством меловых стен. Янтарные колонны упирались в лазурь потолочных фресок, напоминающих посетителям восьмивековую историю обширных провинций Царны – периоды их войн и процветания.

Господин Трость, шаркая увечной правой ногой, провел мальчишек в третий от тронного возвышения ряд. На возвышении аркой гнулись янтарные стулья с высокими спинками, увенчанные грозными гербами правящей династии, провинций и бастионов, – престолы. Над хрустальными фигурами оленей за престолами витали хрупкие малиновые клокотушки, щебетливые птички, оседающие на перилах витой лестницы у торца ягодами. Дети вскакивали со скамеек с восхищенными вскриками, когда Рагл, крылатый пес башни, облетал шумных гостей. Престольный зал занимал весь первый этаж. Заседание еще продолжалось на втором – распределители просили приглашенных жителей и воспитанников сохранять тишину.

Горану отвели крайнее от центрального прохода место. Он не сдержал улыбки, понимая, что такое решение воспитателя явно свидетельствовало о близком восхождении за наградой. Младшие воспитанники поглядывали на выпускников с любопытством. Сверстники интересовались предположениями Горана касательно избранников Замка Воителей. А сам Горан радовался повышенному вниманию, отлично помня тот день, когда большинство из окружающих его задавак брезговали отвечать на полуграмотные вопросы сельского мальчугана. Сегодня ни речь, ни внешний вид не отличали Горана от лучших из лучших наследников провинций. Его уже не волновало, что думали окружающие девчонки и мальчишки на самом деле, важно – опспорить первенство им не хватит сил.

Горан повернул голову влево, надеясь отыскать Ализ. Гончие Казмера сидели напротив ряда кудесников. Он встретился взглядом со Скуратом. Короткие чёрные волосы, пепельно-синие глаза. Кожа темнела ореховым налетом в мрачном одеянии, вызывающе алеющим боевыми шевронами и шнуровкой.

– Повезло, что он не в нашем бастионе, – признался Бруно, перехватывая жёсткий взгляд Скурата.

Горан не нашелся с ответом, задетый убеждённым откровением друга. Скурат являлся командиром гончих. Кудесники всегда голосовали за старшинство Хэварта. Горан вдруг почувствовал себя недостойным путешествия в цитадель грёз, недостойным присутствия в этом помпезном зале. Он опустил взгляд, глубоко в душе понимая, что годы муштры и тренировок не укрепили в нём незыблемого достоинства предводителя. В состязаниях гончих и кудесников Скурат уверенно приводил команду к победе. Лидер с врождёнными качествами руководителя и примера для подражания, которые Горан воспитывал в себе мучительно, но unsuccessfully.

Зал переполнили взбудораженные люди. Врата закрылись. В гомоне голосов Горан кивал и жестикублировал на вопросы, неизменно поглядывая за пёстрые фигуры в поисках Ализ. Рагл вспорхнул над залом, вызвав единое ликование, а затем – тишину. По ступеням витой лестницы на тронное возвышение спускались тринадцать мудрецов Янтарного града. Большинство из них являлись седыми старцами, которых никто уже не помнил молодыми и улыбчивыми. Длинные бороды в нитях золота тряслись при неспешном движении, цепляясь за янтарные пуговицы струящихся синих мантий-колоколов. Следом за мудрецами шествовала династия прави-

телей града. Во главе – король Иворг Велирадович, известный подданным капризным нравом и пышными усами, завитыми вокруг острой бородки. Его супруга Ада в багровом убранстве надменно поглядывала на гостей. Позади нее робко шествовали три дочери в бледно-розовых платьях с белоснежными локонами, стянутыми на затылках в узлы причесок. Сестер сопровождал флегматичный наследник – пятнадцатилетний Мануш в огромном лиственном венце на кудрявой голове. Белоснежные костюмы в золотых оборках и вышивке превращали двух августейших особ в раздутые вазы. Пышные шапки корон на головах короля и королевы сверкали, вероятно, всем многообразием драгоценностей Царны.

За династией Велирадовичей спускались воеводы и управители провинций. Замыкали знатную процессию воевода Вацлав и казначей Богша – негласные властители Янтарого града.

Король приветствовал подданных плавным взмахом ладони. Меховая накидка свисала с его плеч громоздким трофеем, выкрашенным в пурпурный цвет. Золотистые кудри отливали кукольным лоском. Его величество произнес речь, возвышающую земли Янтарного града. Велирадовичи опустили в центре арки стульев под шумные аплодисменты: девочки-принцессы, королева, наследник-принц и сам Иворг, прозванный в Царне за безвольность характера и тучность одеяний – Снопом.

По правую руку от короля разместился Вацлав. Воевода выглядел крайне разгневанным. Его крупные глаза под тяжелыми веками со злобой осматривали лица гостей. Стальные нашивки на черном костюме создавали иллюзию доспехов. Лысую голову сегодня не покрывал капюшон плаща, демонстрируя зевакам угольные шрамы от когтей ящеров и синюшные метки пленника змеядов. Кустистые черные брови. Неряшливая щетина, тронутая сединой. Точного возраста воеводы не знал никто, но Господин Трость как-то обмолвился, что Вацлав ступил на рубеж половины века.

Мудрецы поклонились двум сторонам зала и заняли престолы. Рядом с Вацлавом в охристую накидку кутался Харман, речник Совета. Взгляд Горана замер на его сгорбленной фигуре, читая в глубоких морщинах лица огорчение. Богша наклонился к уху Хармана, перебирая пухлыми пальцами связку ключей – символ неприкосновенности казначея. Обвислые щеки Богши растянулись в вынужденной улыбке, губы сложились в трубочку, издавая возмущенный звук.

Харман сделал три шага к народу и поднял руку, требуя внимания:

– Достопочтенные гости Меловой башни! Приветствую вас на ежегодной церемонии Великого заседания! – его хрипловатый голос нарастал, обуздывая перешептывания. – Сегодня нам оказал милость присутствием Зорнан – славнейший следопыт Замка Воителей.

Высокие двери в стене распахнулись, впуская человека в скромном одеянии коричнево-серых цветов, более уместном на охоте в лесу, нежели на знаменательном собрании. Приземистый, невзрачный, безучастный к всеобщему вниманию мужчина шагал, бесшумно касаясь подошвами высоких сапог узоров ковровой дорожки. Тёмную голову следопыта покрывала красно-коричневая повязка, обхватывающая тканевой косой высокий лоб. Светлая кожа, чёрная борода. Серые глаза похищали жадными взглядами детали зала, как утренний туман – заводи. Он поднялся по низким ступеням на тронное возвышение. Поклонился залу, напоминая по-прежнему не человека, а осторожную тень, безликое существо воображения.

– Зорнан – единственный из огромного выпуска получил приглашение в Замок Воителей. – Бруно бросил взгляд на бастион следопытов, занимавших первые два ряда зала. – Понятно, почему следопыты на почетных местах.

Горан наблюдал за радостной мимикой воспитанников впереди, но внутри его нарастала тревога. Атмосфера праздника гибла в хмурых взглядах мудрецов.

Воевода поднялся, предлагая своё место Зорнану, но посол отказался. Вацлав остался стоять с ним рядом. Харман заговорил о заслугах детей, о редких талантах и способностях, но Горан наблюдал за следопытом и воеводой, обсуждавших нечто со взволнованными лицами обворованных пастухов.

Люди взметнули под купол зала волну удивленных возгласов. Горана толкнули в плечо. Он обернулся. «Оглох? – громко спросил мальчишка из бастиона охотников. – Тебя просят подняться». Горан растерялся. Церемония посвящения завершала выступления мудрецов. Прошло слишком мало времени. Господин Трость поторопил его резким жестом.

Горан поднялся. Разговоры стихли. Сотни глаз устремились на него, механически передвигающего ногами вперед, к возвышению. Не так он представлял себе получение награды. Репетировал, обдумывал. Горан прокашлялся и постарался вернуть себе уверенную осанку.

Речник Харман поманил кудесника ближе, но стать рядом Горану не позволил воевода. «Жди на ступенях», – приказал, не скрывая враждебности.

– К сожалению, – Харман вскинул руку, требуя тишины, – в силу вопиющего нарушения один из выпускников бастиона кудесников – Горан Мильвус – лишается права посещения окрестностей Алефы! Распоряжение Совета мудрецов окончательно и не подлежит обжалованию.

Зал молчаливо поглощал грозное эхо приговора.

Щеки Горана пылали, в груди сердце стучало протестующим кулаком. Он откинул челку с бровей, стараясь справиться с жаром волнения, отбирающего речь. Сотни лиц и удивлённых, осуждающих взглядов. Перешёптывание нарастало сметающей волной порицания. Горан шагнул вперед с вопросом, но громогласный голос короля привлёк внимание подданных к трону правителя. Воевода сжал плечо Горана, повелевая ступать следом за стражниками – двое верзил в латах уже ожидали его возле выхода за возвышением. Горан обернулся в поиске друзей, но увидел лишь опечаленного старшего воспитателя. Театральную речь короля впитывали меловые стены и изумлённые слушатели. О Горане позабыли.

Он спускался, не осознавая до конца масштабов личной катастрофы. Успокаивал себя, что произошла чудовищная ошибка. Шероховатые плиты мрамора расплывались перед глазами талым льдом. Горан ступил в мрачную тесноту прохода. Оглянулся. Фигуры стражей сомкнулись за спиной конвоем. Факелы не горели. Он двигался в полнейшую неизвестность, сжимая кулаки и приказывая себе не сдаваться панике. Узкий проход вывел в коридор с шестью металлическими дверями в обсидиановых фигурах грифов степных пустынь.

Горан остановился, осматривая грязный мел стен, железные прутья вокруг дверей. Потолок чернел сетями ловушки тайн. Стражники расступились. Воевода открыл первую от входа дверь – кивнул Горану входить, и кудесник покорно пересек порог комнаты. За ним следом вошли Зорнан и воевода Вацлав. Чугунные двери захлопнулись.

Кудесник осмотрел скудную обстановку: пять грубых стульев и массивный стол. Стены срастались каменной кладкой в увитый проволокой пятигранник потолка. В огромное зарешеченное окно суетливо стучали капли дождя. В серости тонула стеклянная люстра с оплавленными свечами – воск свисал бледно-желтыми сталактитами над настольной картой Царны. Горан отвернулся, боясь вызвать злость излишним любопытством.

– Тебя, очевидно, гложет вопрос, почему ты здесь? – Вацлав стоял у окна, одной рукой потирая щетину на квадратном подбородке. – Сядь, кудесник.

Горан украдкой посмотрел на шаткий стул. Во главе стола уже разместился Зорнан. Его пытливые взгляды словно ощупывали разум, вызывая в теле нервную дрожь. Горан придвинул стул и сел, усилием воли держа спину ровно. Главное правило изнурительных тренировок и монотонных дискуссий в лекториях – спину держать ровно.

Горан поднял прямой взгляд, в душе изнывая сомнением: спорить или капитулировать?

– Утром Рох совершил побег. – Воевода убрал ладонь с рукояти шиповой булавы. Его руки в чёрных перчатках сцепились за спиной. Полуночные глаза прожигали Горана подозрением. – След потерян. Когда в последний раз ты говорил с ним?

Горан моргнул, чувствуя: пол уходит из-под стула, а слух подводит.

– Простите... – Он понимал, что должен отвечать твердо и убедительно, но язык не слушался, кровь отливала от лица, устремляясь жидким пламенем по венам. – Последний раз я говорил с Рохом в день булатных игрищ, накануне его направления в Гранитный замок. Три недели назад.

– О чём вы говорили?

Горан опять моргнул, сливаясь с бледными фигурами фресок на стене. Взгляды грозных мужчин уничтожали подозрительностью.

– Он вспоминал о тётке. Просил меня навестить ее зимой. – Горан позволил себе глубоко вдохнуть, успокаивая колотящееся сердце.

– Всё?

– Да, воевода Вацлав. Мы просто беседовали о его семье, о Янтарном граде...

– О Гранитном замке! – Кулак Вацлава молотом сотряс стол. – Рох – крадуш – дитя, отмеченное заревом мятежа. Ты не имел никакого права упоминать о месте его заточения.

– Заточения?.. – Горан растерянно всматривался в суровые лица. – Воевода Вацлав, ему обещали будущее свободного жителя града.

– Вздор! Ты привязался к нему.

– Нет!

Зорнан поднял ладонь с изящными пальцами, увитыми серебряными цепочками до запястья. Вацлав, стиснув челюсть, вернулся к окну.

– Горан, где ты впервые познакомился с Рохом? – доверительно поинтересовался следопыт.

Юноша сцепил дрожащие пальцы. Они не должны увидеть страха и замешательства. Воспитанники града – оплоты искренности.

– Три месяца назад кудесников направили на выпускное испытание в леса у юго-западных границ Вистрии. Согласно заданию, близ чернолесья я обязался провести разведку дикой местности. В непроходимых лесах Кутицы змеяды добывают яхонтовые минералы для обрядов. Месторождения минералов я не обнаружил, я... заблудился в чащобах Медвежьего урочища.

– Заблудился?

– И попал в ловчую яму. Рох вытащил меня, шепотом повелевая сплетениями ветвей. Заросли расступались занавесом. Я понял, что из ловушки змеядов меня спас крадуш. – Горан потупил взгляд. – Рох привёл в избушку у озера, где проживал с рождения с глухой тёткой. Мы разговорились. Я поведал ему о возможностях, которые открывает Янтарный град одарённым детям.

Зорнан упёр острые локти в стол. Наблюдательный прищур глаз роднил его с хищником. Горан заметил, что нижние веки следопыта чернеют краской.

– Ты обманул его?

– Это не обман. У меня способность...

– Итак, он поверил в твою сказку. Ворожеи говорили с тобой?

Горан кивнул:

– В вечер знакомства пошёл дождь. Я рассказал Ализ, она – остальным ворожеям. Господин Трость велел привести ребенка в град.

– Вы подружились за время пути?

– Нет, – настоятельно мотнул головой Горан. – Рох боялся змеядов. Он надеялся спастись в стенах града, но переживал о судьбе тётки. Я пообещал ему навещать её. Пообещал, что он сможет забрать её из леса после экзаменов.

Глаза Горана черствели презрением – он поспешно отвёл взгляд.

– Твои друзья поведали нам, что ты расспрашивал об охране града. – Вацлав громкими шагами приблизился к столу: – Ты сообщил Роху о сменах караула?

– Нет.

– Лжёшь, – прошипел Вацлав. – Ты жалел уродца.

– Он не...

– Молчать!

– Твое излишнее любопытство всегда вызывало переживания воспитателей. – Зорнан испытующе затягивал сомнением во мглу глаз. – Крадуши – угроза спокойствию в Царне. Хаос магии должен оставаться в твердыне. Ты согласен, Горан?

– Я не причастен к побегу Роха, – чеканил заверения Горан. – Ни единым словом не способствовал воплощению его преступных замыслов. Я всегда оставался верным клятве ордена. Обвинения беспочвенны.

Горан поднялся, ястребом глядя в пропасть глаз Вацлава.

– Ты исключен из ордена воичей. Из бастиона. Лишен всех наград и рекомендаций, – слова воеводы пригвоздили торжествующими звуками к полу. Горан забыл обо всех аргументах, требованиях, просьбах. – Твой дар убеждения, несомненно, ценен, но лишен всякой чести. Знаки отличия... – Вацлав раскрыл обожженную ладонь в мрачном ожидании.

Горан немеющими руками отколол перо-стрелу бастиона и шип ордена.

– Я могу попрощаться с друзьями?

– Если они пожелают.

Вацлав кивнул в сторону двери и удалился к окну. Горан еще раз с неразумной надеждой взглянул на Зорнана – недостижимую частицу дивного мира Алефы; развернулся и скорым шагом покинул комнату.

Стражи провели его в круглый внутренний двор Меловой башни. Горан остановился, растерянно осматривая железные врата, кедровые насаждения. Рох переживал, что змеяды проникнут в Гранитный замок. «Они бессильны против оберегов золотушного леса, – успокоил его Горан. – Ограду колючих деревьев не дано разомкнуть никому».

Золотые монеты берёзовой листвы позвякивали на ветру. Дождь моросил, гоня с улиц прохожих. Каменное здание башни Воспитанников разбитыми зеркалами окружали лужи. Богатое убранство града меркло в порывах стихии. Тучи клубились над смотровыми площадками крепостной стены, разрываясь металлическими зубцами флагштоков. В воздухе пахло гнилыми листьями и подвальной сыростью.

У дверей башни Горана встречал старик-сторож. Он окинул мальчишку недовольным взглядом, но пропустил внутрь. В коридорах господствовала нерушимая тишина занятий. В нижних залах читались лекции. Горан преодолел многочисленные ступени лестницы, оглядываясь на площадках. Он надеялся встретить Ализ и ребят. Поговорить. Объясниться.

Ярус спален воспитанников застыл безмолвием. Горан понуро преодолел коридор. В полумраке его комнаты на кровати сидели родители. Отец поднялся, поправляя замшевые полы сюртука. Вихрастые русые волосы испещряла седина. В глазу белел монокль. Мать не двинулась с места. Синий костюм в фактурную ёлочку, медно-красные башмаки, безукоризненная прическа. Взгляд печальных глаз пронзил сочувствием.

– Вам уже сообщили? – спросил вместо приветствия Горан.

Он редко виделся с родителями. Последний раз – весной, во время каникул.

– Они исключили тебя, – произнес отец позорным приговором.

Никакого удивления, шока. Горан окончательно разочаровал его.

– Простите.

– О, сынок! – Мать поднялась к сыну.

– Надин, сейчас не время для сентиментальности. Это урок всем нам.

– Я соскучилась. – Её ласковые руки утешали объятием. Горан закрыл глаза, сдерживая nepозволительные слезы. – Мудрецы предвзяты. Все мы оступаемся.

– Неучтиво заставляя ждать.

– Леслав, еще минуту.

– Я в порядке, мама.

Горан постарался улыбнуться, но лицо словно онемело.

Отец поднял со стула чемодан и вручил сыну:

– Твои мечты об Алефе погубили будущее. Ты мог окончить финансовую академию, поступить на службу в казначейство Вистрии.

Горан сжал потертую ручку чемодана. Он не смел посмотреть в глаза отцу, испытывая вину за разгромное поражение. Мать коснулась его холодной щеки теплой ладонью, отстраняя угрюмую реальность комнаты:

– Ты справишься. У отца есть связи. Его мудрейшество Харман обещал заступничество. Они не станут преследовать.

Мать говорила о гончих Казмера – чёрных плащах воевод. Любые угрозы династии подвергались их беспощадной охоте. Гончие Казмера неминуемо настигали крадущей и доставляли в Гранитный замок. Их немилость – верный путь на плаху.

Отец сжал руку матери, призывая к хладнокровию. Горан опустил взгляд, но успел заметить, что губы мамы задрожали плачем:

– Господин Трость проведет тебя в чернолесье.

Горан испуганно посмотрел в бесстрастное лицо отца.

– Я не поплыву с вами?

– Нет, – бросил тот. – Дед и старуха предупреждены. Ты отправляешься в Яругу.

Сын открыл рот возразить, но в комнату, шаркая ногой, вошёл Господин Трость.

– Вечер скоро, – поторопил он.

Отец кивнул, подталкивая Горана идти:

– Мы объяснились.

Мать накинула плащ на плечи сына, крепко обняла, нашептывая на ухо, что вскоре они встретятся. Горан понимал: утешение ложью. Жизнь в засушливых землях востока Царны подобна ссылке. Отец наставническим голосом произнес вынужденное, скупое напутствие. Воспитатель кашлянул; осведомился, раздражающе причмокивая, о сохранности мебели. Горан вышел в коридор. В дальнем конце этажа неспешной походкой удалялись к лестнице воспитанники.

– Бруно! – окликнул приятеля Горан.

Три фигуры замерли. Подростки неприязненно уступали Горану дорогу, пропуская к друзьям.

– Я переживал, что не смогу попрощаться с вами. – Он остановился, клонясь вправо от тяжести чемодана. Дирк потупил взгляд. Хэварт нависал горой надменности. – Посвящение?.. – Горан с трудом скрывал боль в голосе. – Кто отправляется в Замок Воителей?

– Знаешь, нам не велено говорить с тобой. – Бруно озирался на невольных слушателей. – Мы осуждаем твою безрассудность.

– Бруно, оставь. Мудрецы не слышат нас. – Горан приятельски хлопнул его по плечу, но друг отшатнулся, будто от прокаженного.

– Хитрости наказуемы, – с колким высокомерием напомнил Хэварт. – Разговор с тобой порочит нашу репутацию.

Горан посмотрел ему в глаза, ожесточаясь:

– Раньше ты восхищался обманом Роха.

– Обман есть обман, – пожал плечами Хэварт.

Горан с надеждой посмотрел на Дирка:

– Где Ализ?

– Лучше не впутывай её.

– Бруно, я хочу попрощаться.

По коридору уже стучала трость воспитателя. Подростки расходились, превращаясь в безучастных прохожих.

– Что здесь за беседы? – Господин Трость остановился за спиной Горана, осматривая мальчишек, расходящихся от опального выпускника.

– Он первым затронул нас, – оправдывался Дирк.

Бруно закивал, подтверждая:

– Мы всегда сторонились его идей.

Горан смотрел на друзей и ему мерещилось, что перед ним говорили каменные статуи. Их лица, голоса, взгляды казались чужими, посторонними. Стены давили враждебностью. Ворчливая интонация воспитателя царапала слух.

Лучше уходить. Ступени шатались перед глазами подвесным мостом. Горан спускался под ударами мимолетных, упрекающих взглядов. Дети избегали его внимания, словно он посылал страшнейшее проклятие – исключение из бастиона. Кошмар разрастался паникой.

На улице хлесткий ветер мёл по брусчатке влажную листву. На верхнем этаже башни горели окна – началось собрание ордена воичей. Выпускники бастионов спешили мимо Горана, увлеченные радостным волнением предстоящих дискуссий, выступлений, – беззаботные, равнодушные к трагедии изгнанного мальчишки.

Мимо в потоке детей прошла Ализ с подругами. Горан остановился, думая, что ему привиделись ее светлые локоны и синева глаз. Их взгляды встретились.

Горан шагнул навстречу, радуясь последней возможности поговорить, оправдаться и... услышать слова поддержки. Ализ, накинув капюшон мантии, поспешно отвернулась, осуждая его безрассудное намерение. Дверь башни захлопнулась, поглощая хрупкий силуэт в темноту каменных стен. Господин Трость поторопился, но Горан еще минуту стоял, оглушенный беспощадностью правды.

Долгий путь за крепости града длился в молчании. Воевода Вацлав лично отворил врата. Мост опустили. Господин Трость поторапливал Горана передвигать ногами быстрее. Широкие доски поскрипывали под тяжестью тел. Река за кустистым рвом шумела скорым течением. Горан поднял взгляд. Чернолесье: угловатые прутья и темные столбы ольхи, дубов, вязов, путы кустарников и дерновые луговины. Солнце сквозь дым туч клонилось к закату. Вскоре Горан окажется за тысячи километров от замков, башен и мощных улочек.

Под ногами зашумел гравий, затем сухая трава поглотила звуки торопливых шагов. Воспитатель кивнул: «За камнями тропа – иди по ней, не оглядываясь».

Голые деревья чернели влажной корой. Ветер тревожил их заострённые кроны, ажурные паутины ветвей. Горану мнилось: он ступает во мрак безлунной ночи. Непроходимые чащобы, заколдованные тропы. Господин Трость поморщился под мелким дождиком, налетающим с холодным воздухом стаями мошек. Отвязал от цепочки плаща звёздную ветвь с начертаниями гербовых символов провинций, чиркнул её млечными краями о сапфировые рога трости. Голубые искры породили сине-белое пламя.

«Ступай, птенчик, – вздохнув, произнес Господин Трость. – Тропа вернёт тебя в Яругу».

Горан принял горящую факелом ветку, что дымилась и шипела под настырными каплями туч. Господин Трость, причмокнув с сожалением, похлопал воспитанника по спине. Больше – ни слова. Воспитатель шаркающей походкой начал удаляться к крепостной стене. Бастионы горели вечерними огнями. Горану мерещились разговоры, накрытые угощениями столы, лучи свечей и речи мудрецов. Порыв ветра трепал пламя в руке, пронизывая насквозь стужей. Тело продрогло. Ноги замёрзли, пальцы рук онемели. Чернолесье шумело штормовым морем. В унисон душевному ненастью непогода демонстрировала свирепую мощь.

Кудесник осмотрел склонённые рогатины деревьев. Заросли дерезы сплетались сетями в пучине ветвистого шатра. Чаша кривилась голодным монстром.

Горан без оглядки побрёл в лес...

Глава 2

1

Ночь опускалась на землю холодом. Дождь прекратился. Ветер стих. Горан всматривался во тьму лесных дебрей, слыша только шелест травы под ногами. Он вновь отклонился от тропы путешественников. Опасная беспечность. Но изнутри кудесника поедали переживания и боль, давило тягостное бремя разрушенных надежд.

Чернолесье напоминало лабиринт. Туман крался сыростью по пятам. Вспыхивали и гасли тусклые блуждающие огни. Горан не боялся тайных сущностей колдовского леса. Он винил себя, злился на мудрецов. Он жаждал справедливых слушаний. За один проступок рушить судьбу непозволительно!

Деревья встречали путника палачами в тернистых мантиях. Никто никогда не видел их в листве. Зимой бородавки на колючих кустарниках распускались пунцовыми цветами, ввергающими сладкими ароматами путников в сон. Люди провинций сторонились чернолесьев, но жуткие слухи о монстрах, скрывающихся в неприступных чащах, множились. Горан остановился, озираясь. Левая рука ныла от тяжести багажа. В правой – догорала звездная ветвь путешествий. Тропа блестела в двух шагах сырым грунтом.

Над головой громко каркнул ворон.

Горан помахал рукой, распаяя покачиванием огонь сапфировых очагов. Он надеялся когда-нибудь увидеть деревья-великаны Звёздных гор, сейчас покрывшиеся кремниевой корой на зиму. Воспитанником он представлял, как подготовит ветвь путешествий самостоятельно, вернётся к бабушке и дедушке стражем тайн цитадели грёз – гордостью семьи.

Кривые стволы в бурых мхах поскрипывали кроной, исчезая в темноте. Горан брёл, не чувствуя холода, не замечая отсветов любопытных глаз в зарослях. Млечное зарево ветви касалось его лица утешающе, безучастность останавливала страхи ночи. Тропа вилась в пугающую даль.

Когда луна осветила поляну в багровой траве, Горан понял, что достиг земель Бескравии. В каждой из восьми провинций каменистой Царны существовали хмурые обитатели – чернолесья – тёмные пятна на листе страны, которую окружали могущественные и враждебные колдовские миры. В чернолесьях стирались преграды народов, времен, ощущений. Заколдованные тропы могли увести опрометчивого путешественника в неизведанные края. Горан крепко сжимал рукоять тлеющей ветви, думая о доме, в котором провел детство.

Лоснящиеся влагой деревья расступились, тропинка скрылась в поросших бородастым мхом камнях. Путник перебрался через их острые глыбы, оглянувшись, прощаясь навеки с таинственным миром волшебства. Трубное воронье «крух!» гнало прочь.

Горан ступил на сухую дорогу. Плывущие тучи чернили луну и алмазы звезд. Справа и слева простирались тихие степи Яруги. Ночь скрывала увядшую траву, что ещё недавно зелена жизнью и буйствовала цветом. Одинокое дубы и багровые сухостои высились примитивной разметкой пустынной местности. Вдали светились окна домов.

Близость чернолесья обрекла Яругу веками существовать крохотным селением крестьян. Семь сотен построек ютились возле густого лиственного леса. Жители редко выезжали в другие населённые пункты, ведя уединенную жизнь: сеяли по весне пшеницу, овес, ячмень, просо, гречу, а осенью одаривали Скоп яровыми хлебами. Скоп – столица всей восточной провинции Царны, Бескравии. Во второй месяц осени леса Бескравии покрывались алым золотом, пламеня пожаром листвы и трав. Провинцию образно именовали в народе Багровым Горизонтом. Во времена пребывания в Башне Воспитанников Горана часто спрашивали об огненных змеях,

обитающих в норах степей, которые осенью, разгневанные наступающими холодами, воспламеняли деревья, взмывая к небу пожары. В граде шутили, что жители Бескравии – угрюмые и смуглые кожей, оттого что раскалённая листва опалила их, очерстила характеры. Горан не любил такие разговоры. Он знал не понаслышке, насколько изнурителен труд в полях под жгучим солнцем и беспощадны ветра в засуху.

Редкие огни Яруги превратились в прямоугольники окон. Тревога ночи сменилась умиротворением раннего утра. Скоро оранжевые лучи возвестят о начале нового дня.

Горан вошёл в черту селения. Улицы поблёскивали инеем, сливаясь и расходясь одинокими побегами к серпу леса. Деревянные избы соседствовали с каменными домами. Бедность. Хоромы.

Звездная ветвь погасла. Горан бросил её на землю, и она превратилась в пепел, который по грунтовой дороге рассеял южный ветерок. Треугольные крыши построек пронзали дымку утреннего тумана. Горан пересёк безлюдную площадь Сходов, преодолел улицу Лавочников и вышел на самую окраину селения.

Сердце защемило от нахлынувших воспоминаний. Шаги. Усталые шаги по тропе к бледному дому, окруженному низким плетеным забором. Сад недавно уронил разноцветную листву на гладкие камни двора. Горан торопливо поднялся по ступеням шаткого порога. Рука сжала медное кольцо дверного молотка. Туку-тук. Глухой звук разрушил покой дома.

В окне появилось заспанное лицо бабушки. Старик Прокош открыл дверь.

– Горан? – Дедушка не верил слабым глазам. На нём белела мятая рубаха, серые штаны были закачены, ноги босы. – Сынок, ты откуда здесь?

– Примите? – Внук виновато опустил голову, осматривая грязный чемодан у ног и свои пыльные ботинки.

Дедушка отступил в комнату.

– Проходи, – произнес обеспокоенно. – Не стой же, дитя. Продрог весь.

Бабушка с причитаниями скинула с плеч пуховый платок и укутала Горана. На ней синела сорочка в пол, седые волосы облепили ключицы редкими прядями.

– Мой мальчик, – приговаривала она, ведя его к столу. – Как же так, среди ночи? Голоден? Сейчас накормлю.

В кухне зажгли свечи.

– Грозовые скаты ушли на юг. Дорого купить. Опять коптим свечами.

Старик посмотрел тоскливо на круглый фонарь над столом. Грозовыми скатами в Царне называли молнии, запасы которых служили людям источником света.

Горан опустился на резной стул за круглым столом. Льняная скатерть. Кувшин в горошек, две глиняные кружки. Дом стариков мало изменился. Пахло облепихой, сухофруктами и горечью степных трав. Стены в желтоватой побелке, деревянная мебель. Кружева – рукоделия бабушки – белели на окнах, комодах, столах. Доски пола покрывали шерстяные коврики ягодными островками. Горан поднял взгляд на взволнованных хозяев дома. Низкорослая бабушка за последние годы похудела, морщины обвисли на курносом лице. Дедушка, высокий и худощавый, как прочная жердь, сохранил ещё стойкость к потрясениям. Его карие глаза темнели черноземом, что принимал в себя семена слов, прорастающих сегодня сорняками тревоги.

– Меня исключили. – Горан не решался оправдываться, ожидая обвинительных речей, горестных вздохов. Старики молчали. – Неслыханное происшествие для столицы Царны. Приведённый мной крадуш сбежал. Я неосмотрительно оговорился о брешах в крепости. Я виноват.

Тишина. Испуг угасал в глазах стариков, тлея сочувствием.

– Видел мать? – спросил дедушка, переживая о дочери, которая не предупредила родителей о возвращении внука.

– Да. Они с отцом плывут в Вистрию. У них полно дел. Забот. Мое преступление ляжет тенью на порядочность дома Мильвусов.

Отец и дядя Горана работали в казначействе Вистрии, юго-западной провинции Царны. Почётные должности, уважение в обществе, привилегии, поместья. Но Горан с младенчества рос в Яруге под опекой бабушки и дедушки. Матери некогда было заниматься им: она ездила по стране, изучая редкие виды растений. Горану часто казалось, что его родителей объединяет только любовь к работе, преданность делу. Семью мальчику заменили старики Прокош и Раска, а также соперники бастиона кудесников и строгие воспитатели. Он никогда не роптал на судьбу, давая бой грусти смелыми мечтами. Теперь же...

– Двери Янтарного града закрыты для меня. О Замке Воителей не смею и говорить.

Дедушка приблизился, раздумывая, каким жестом унять ненастье в душе внука, какой мудростью утешить. Его скупые сельские познания не годились для внимания смышлёного юноши. Бабушка торопливыми шажочками подошла к Горану, обняла его и сникшего мужа.

– Ничего. – Слеза скатилась по её впалой щеке. Тёплые руки окутали уютом защиты. – И не такое переживали. Как говаривает народ: «Лихо изводит, мудрости научает».

2

Два дня равнину Яруги омывали дожди. Горан скрывался от вопросов в комнатке, у окна, наблюдая размытый пейзаж леса. В гости заходили на посиделки соседи, злорадно расспрашивали о неожиданном появлении внука. Горан не желал ни с кем общаться, есть, выходить за порог тесного укрытия детской. Ему хотелось окаменеть и не чувствовать досады, не мучиться угрызениями. Он думал о будущем, выстраивал воздушные замки планов и... впадал в жуткую хандру. Капли стекали по мутным стеклам. Унылый день сменял бессонную ночь.

На третьи сутки солнце вернуло себе власть. Яркие лучи утра согрели продрогшую в ненастье природу. После обеда бабушка отправила Горана за пятнистыми грибами для теста. Она желала заставить его шевелиться, а не погибать на кровати от ядовитых переживаний. Не без упрямства Горан взял лукошко и поплёлся через огород в балку.

На холме начинался широколиственный лес. Горан преодолел кустарниковый подлесок; оставив за спиной заросли бузины и облепихи, понуро ступил в земли безмолвия. Над головой полыхали золотые кроны вязов, ясеней, кленов и дубов, создающих иллюзию янтарных спиц лей града. Горан сохранял гордую осанку, но угрюмые мысли омрачали погожий день. Лесной воздух оседал во рту горечью гнилых трав и трухлых веток. Ноги сами несли к озеру.

Яруга – небольшое селение, жители которого мало общались между собой. Таков нрав Бескравии: трудолюбивый, строгий, молчаливый. Все праздники и быт в восточных провинциях переплетены с посевными работами и урожаями. Нарядные одежды Горан впервые увидел в Янтарном граде. В Бескравии ремесленник считался благороднее ювелира. Здесь любовались красотами природы, а не театральными представлениями. Тень чернолесья лишала каждого ребёнка любопытства с пеленок. О дружбе никто не говорил, существовала лишь взаимопомощь и общее дело яровых хлебов. За лето солнце выпекало земли селения до подгоревшей корки, словно пшеничные ломти в духовой степи.

Горан остановился у кромки сонного озера. Жизнь разрушена. В Яруге его ожидали лишь ежедневные заботы о полях, огороде, своевременном дожде и ураганных ветрах. Горан взглянул на своё отражение. Печаль глаз делала серую гладь унылой картиной несчастного человека. Над головой пугливо вспорхнули птицы.

«Вот так встреча!» – задиристый голос обрушился наигранным смехом.

Горан очнулся от раздумий. Повернул голову. С бугорка по грязи к нему шагали трое подростков. Он с трудом узнал в них повзрослевших ребят, с которыми когда-то ходил в школу. Погодки братья Тукановы и широкоплечий Улакач. Чёрные волосы, смуглые лица. Крестьянские работы закалили в них дюжью силу. Коренастые фигуры напоминали мешки, что катились сбить его с ног.

Горан покосился на своё пустое лукошко, затем робко отошёл от воды.

– Мы тебя сразу узнали, – произнес Улакач, останавливаясь. На его широком теле чернел меховой тулуп. Широкие штаны свисали с высоких сапог. – Тощий зяблик. Тебя, видать, не кормили в граде?

Кудесник осмотрелся, выискивая пути к отступлению. Братья стояли по бокам от него, потирая кулаки. Недоброе предзнаменование, но он надеялся договориться.

– Аппетитом вы всегда отличались.

Братья переглянулись, взвешивая хмуро: льстит или насмехается? Глаза, нос, губы уместались на их круглых лицах с маленькими подбородками по центру, словно на блюдах.

Улакач, сын коваля, сговорчивостью отличался слабо. Горан должен был понимать это, когда пять лет назад обманом убедил злопамятную тройцу пойти с повинной к управителю селения. За краденые арбузы их отчитывали прилюдно, а дома задали трепки. Горан тогда проучил обидчиков за тумачи и насмешки, но сегодня усомнился в оправданности наказания.

– И как? – ухмыльнулся приземистый Йом. – Вспорхнул в твердыню грёз?

Братья рассмеялись, наблюдая за безропотной жертвой. Горан молчал, исподлобья поглядывая на мальчишек, в общем труде с которыми судьба теперь распорядилась ему вырасти и состариться. Малым ребёнком он намеревался оседлать одного из дозорных Замка Воителей, орлиноподобного Луту, и прилететь в Яругу с волшебным значком стражей Алефы на груди. Сейчас Горан стоял в старой безрукавке деда поверх поношенного костюма, и под ключицей его синела неровная латка.

– Надо ему помочь, парни. – Улакач опустил свою тяжелую ручищу на плечо Горана. – Тяните его к срыв-камню.

Горана толкнули в спину. Он качнулся, но с места не сдвинулся.

– Упрямишься? – Улакач щурил узкие глаза, нервничая в предчувствии сопротивления.

– Вам троим неприятности ни к чему. Напакостите, а потом Йом обо всём расскажет родителям. – Младший из братьев прервал увещевания Горана возгласом. Кудесник развел руки в стороны. – Вы и в прошлый раз не хотели меня избивать, – невозмутимо уверял в обмане, оглядывая Тукановых, – но Улакач решил доказать бесстрашие. – Нире, вспомни, как ты отговаривал, как мудро предвидел последствия. И та кража... Арбузы вообще зелеными оказались – спор людям на смех. А я разбудил в вас совесть. Ваше покаяние затмило омерзительность воровства. И вообще, – храбрел кудесник в выдумках, – вы всегда восхищались моим талантом убеждать людей. Зависть – побочный эффект тугодумия...

Удар в живот заставил Горана согнуться пополам. Руки ему заломили, крепко связали за спиной ремнем.

– Мы во всеоружии. Твои рассказы на этот раз не сработают, окудник.

Морщась от боли, Горан посмотрел на лицо высокорослого Нире, уши которого скрывала треугольная шапка – из отворота ее торчало золотистое перо альтурга. Два похожих маховых пера белели в нагрудных карманах Йома и Улакача. Оперение альтурга – броня против магии.

– Где вы достали их?

Полнощекое лицо Нире ухмыльнулось, выпячивая неровный зуб:

– Взяли у лесного отшельника.

– Бахаря?

– Старого тюфяка.

Улакач отвесил Горану подзатыльник, и мальчишки со смехом повели пленника вдоль озера.

У воды трава зеленела весенней свежестью. Ветер шумел над головами, беспокоя листву. Стволы деревьев плыли жердями вольера. Начались камни. Карабканье вверх. Горан спотыкался, ругая себя за неосмотрительность и беспомощность. Ранее смелость крепла на особом таланте – заставляя людей считать его слова собственными воспоминаниями. Редкий дар не единожды спасал его от неприятностей, но сегодня хитрость сельских мальчишек обезоружила кудесника.

Глумливые шутки конвоиров в мыслях Горана раздувались смиряющими угрозами. Он опять споткнулся. Нире потянул его за шиворот безрукавки, но ноги подвели – Горан упал во влажные листья папоротника. За спиной твердел горб срыв-камня – наивысшей точки леса и всей Яруги.

Срыв-камень венчал восточную окраину озера гигантским рогом. За ним, словно за предводителем воинства, росли из земли каменные столбы – на сотню верст серела гудящая полоса без единого деревца. На срыв-камень не садились птицы, он не обрастал растениями. Гиблое место. Полвека назад здесь казнили преступников Яруги, осужденных как сообщников крадущей.

Горан отполз от обрыва. В воде темнели острые глыбы озёрной пасти.

– Тебе не следовало возвращаться, – произнес Улакач. – Чернолесье вновь голодно выло.

– Ага. – Йом навис над пленником, скрещивая руки. – Мы видели, ты плелся из ведьминой пучины утром.

Горан осмотрелся. Тучи затягивали округу полумраком.

– Ты мастер дурачить народ. Слыхал, гончих видели под Скопом?

– Я никому не желаю зла, – но голос Горана дрожал ненавистью.

– Таким всё с рук сходит, – наступал Улакач. – В Яруге живут простые землепашцы, трудяги. Нам смута ни к чему.

Ветер охлаждал кожу – жар волнения топил доводы разума в гневе. Горан сидел под осуждающими, брезгливыми взглядами мальчишек, заигравшихся в судей. Он понятия не имел насколько далеко способен зайти их безрассудство. Стоило выбираться из угла, в который его загнали, пока обрывистая сцена не превратилась в эшафот.

– Чего вы добиваетесь?

Улакач прищурился, выговаривая:

– Любопытно нам.

– Издеваться?

– Нет. – Йом навис обеспокоенным дрессировщиком. – Любопытно посмотреть, что ты еще умеешь, воспитанник Башни. Смотри, ты не лучше нас.

– Пусть управитель рассудит, – потребовал Горан, осматривая мельком перья альтурга.

Улакач криво усмехнулся. Братья переглянулись.

– Чтобы ты заговорил ему уши. Полезай на камень!

Нире выступил вперед, занося кулак для удара. Горан не отвел взгляда, ожидая нападения с вызовом. Трое против одного. В граде он вынес побои гораздо несправедливее. Йом толкнул его сапогом. Бросок кулака. Под рёбрами вспыхнула боль, но удар в лицо обездвижил челюсть. Горан зажмурился, с трудом смиряя стон. Новый удар. Он повалился на правый бок, выгибаясь от толчка в спину. Нире что-то выкрикнул. Улакач скомандовал прекратить:

– Тащите его наверх!

За ремень на руках дернули. Боль вынудила повиноваться, хотя ноги не слушались. Йом ставил подножки. Нире смеялся, повторяя обвинительно: «Думал, лучше нас? Лучше?»

Пошатываясь, Горан начал двигаться вверх. Камни образовывали неровные ступени. Путь лежал над обрывом. Голова кружилась от ушиба тошнотворной скоростью. Горан посмотрел вправо, в пустоту высоты. Нире вытянул из расщелины сухую палку и приказал пленнику взбираться выше.

– Вы спятили! – вскричал Горан, когда каменная крошка посыпалась из-под подошв. – Чего вы добиваетесь? Расправы?

– Пошевеливайся! – Улакач упивался властью. – Двигай! Двигай ногами живее.

Горан, тяжело дыша, по узким плитам влез на новую ступень. Еще пять или шесть глыб отдаляли вершину.

– Вы хотите убить меня? За что? Мы пять лет не виделись! – он повышал голос в надежде, что кто-нибудь услышит, проявит любопытство к творящемуся безумию. – Здесь можно шею свернуть!

– И хорошо.

– Кому хорошо? – Горан впился взглядом в выпученные глаза Улакача.

– Будет всем в Яруге. Надо удостовериться.

– В чём? С ума сошли?!

Истертая подошва ботинок скользила по округлым выступам. Близость гибели туманила рассудок.

– Проверим твои способности.

Горан прижался спиной к камню. Он не делает ни шага. Палкой безжалостно ударили в живот. Нире словно видел в нём не человека, а деревянную мишень.

– Я не умею летать! – Горан надеялся вразумить бестолковую троицу, но видел в глазах мальчишек только расчётливое, жестокое любопытство.

– Сейчас проверим!

Нире сделал выпад, стремясь угодить палкой в лицо. Горан едва не взвыл от ярости. Мало было ему обвинений и исключения. Здесь из него сотворили зверька на потеху. Град не прощает изгоев. В селении понимали это. Многие в Бескравии презирали напыщенность столичных жителей. Горан стал уязвимой частью мира, который в Царне боялись и ненавидели за беспрекословное превосходство.

– Давай, покажи, чему научился! – желчно требовал Йом, потирая ладони. – Где Луту? Позовём его?

Палка описала дразнящий полукруг и ужалила в бок. Горан извернулся. Прыгнул с криком на нападающих. Удар его ноги выбил клюку из рук Нире. Улакач занес кулак. Горан нагнулся сбить его с ног, но поскользнулся. Они съехали с глыбы на ребристую плиту над обрывом.

Улакач кашлял от падения, потирая грудь. Горан не мог пошевелить пылающими болью руками. Бровь над правым глазом ныла ушибом, по щеке текла кровь. Теперь его точно не пощадят. Улакач поднимался на ноги с угрозами, пока кудесник изучал пустую плиту, выискивая возможности для сопротивления. Он не собирался сдаваться, хотя понимал: местность предполагала трагический исход схватки.

Ветер налетел бойким порывом, выхватывающим перья альтурга. Мальчишки замерли, будто заслышав крик, – и закатились оглушительной истерикой, что ослепли. Горан лежал на боку, учащенно дыша и с подозрением наблюдая, как Йом и Нире хватаются за глаза. Улакач опустился на колени, обвиняя кудесника в колдовстве. Воздушный порыв стихал, обволакивая колючим ознобом. Тучи плыли по небу грязными водорослями.

– Идём!

Горан опустил голову на окрик. Ниже плиты, на квадратном камне, стояла девочка: прямо, руки по швам, хмурый взгляд гипнотизировал слушателя. В пяти шагах ползал Улакач, обшаривая хаотично руками опору: «Прочь! Прочь, чудище! Пощади!» Йом тёр глаза, Нире вопил о клыкастых деревьях. Горан вновь опустил взгляд на девочку. Низкого роста, худощавая, с загорелой кожей, покрытой веснушками. Русые волосы светлели выжженными на солнце прядями и вились по шерстяному пальто до локтей. Юбку бледно-синего платья в мелкий бело-зелёный цветочек трепал ветерок. Шею обтягивал изумрудного цвета шарф. Но тонкие губы были сурово сжаты, а зелень глаз волокла в трясину.

– Ты кто? – спросил Горан с недоверием, поглядывая на слепо пошатывающихся обидчиков, умоляющих призрачных чудовищ о пощаде. – Как здесь оказалась?

– Времени нет объяснять. Идём! Скоро солнце появится.

Горан решил оставить вопросы на спокойный момент. Он с трудом поднялся на ноги, неуклюже собрал перья альтурга связанными руками и, прихрамывая, начал пробираться по неровностям камней. Спуститься оказалось трудной задачей, но выполнимой. Незнакомка вела его за собой молчаливо, не обращая внимания на отзвуки мальчишеских рыданий.

– Они могут разбиться, – тревожился Горан, с облегчением чувствуя под ногами твердость почвы.

Фигуры Тукановых и Улакача содрогались призывами спасения.

Ветер дохнул с Яруги. Холод растаял в лучах света – солнце выглянуло из-за тучи. Девочка потянула Горана за полу безрукавки, увлекая в тень камней. Она разрешила ремень на его запястьях складным охотничьим ножом.

– Ого! Опасная вещь.

Незнакомка спрятала нож в карман платья и скорым шагом устремила в укрытие деревьев. Плач мальчишек превратился в злобные выкрики, но беглецы уже ступили под покров

леса. Озеро осталось за спинами. Палые сокровища листвы горели узорным ковром в песочных лучах послеполуденного солнца.

– Чудеса... – Горан обернулся, переживая, что ярая тройца организует погоню.

Девочка уверенно шагала вперёд.

– В Яругу? – спросил Горан.

Она кивнула:

– Да, обойдём тропы грибников. Не переживай, – проследила за его взволнованным взглядом, – они смогут спуститься. Слепота не вечна.

– Если честно, впервые такое наблюдаю.

– Да? – Она с недоверием заглянула ему в глаза. – А я слышала, ты пять лет жил в Янтарном граде.

Горан ощупал опухшую бровь, морщась от боли в правом виске, в ушибленных пальцах, в боку.

– Жил. Верно. Но слухи о нём, думаю, здесь слишком преувеличены.

– Так ты не умеешь колдовать?

Спутница разочарованно остановилась.

– В Царне колдуют только крадуши.

Они смотрели друг на друга с недоверием и... любопытством.

– Откуда ты взялась? – спросил Горан, до конца не представляя, что отвечать девчонке, ожившей притягательной тайной.

– Я видела, ты пришёл из чернолесья. Я следила за тобой. – Она склонила голову набок, скептически осматривая его израненное лицо. – Расскажи мне о граде. Расскажи о себе. Эти дубины твердили о способностях. Что ты умеешь?

Поток вопросов вверх Горана в растерянность. Он тарачился на незнакомку, словно на морок лесной пучины.

– Кто ты?

Она удивленно вскинула голову, случайно открывая за прядями участок щеки: вдоль уха тянулись угольные шрамы – три, от подбородка до виска. Перехватив его испуганный взгляд, девочка застенчиво скрыла волосами отметины когтей ящеров.

– Злата, – улыбнулась ему. – В детстве мы встречались на улице Лавочников. Ты не помнишь? Ты рассказывал о твердыне грёз.

Глава 3

Листва покрывала россыпью рубиновых бликов терновые кустарники. Их заросли кривыми изгородями разделяли пригорки у подножия леса. Матовая паутина ветвей, багрянец и бурая трава степи. Горану казалось, что он шагает по полотну безотрадного художника.

Прошёл день со встречи с девчонкой у срыв-камня. День раздумий, сомнений. Немного оправившись от побоев, Горан решил пройтись к Бахарю – теперь дремучему старику с огромной библиотекой.

Бахарь жил в лесу отшельником. Он с детства писал фантастические истории, которыми зачитывались в Царне, но после гибели супруги и дочери слава стала тяготить его. Писатель переехал к чернолесью составлять энциклопедию степных животных. Преподавал несколько лет в школе. Бабушка предупредила, что чудаковатого сказателя давно не видели в Яруге.

Горан осмотрелся, ступая в лес. Слежки не наблюдалось. Хорошо. Уязвимость пошатнула его отвагу.

Западная окраина леса – дубравы. Горан бывал здесь в детстве почти каждый день. Ему нравилась безмятежность жилия Бахаря и его сказки. Взрослея, Горан узнавал от стареющего писателя всё новые и новые предания о Бескравии, граде, об Алефе. Легенды, ходившие в народе о западной границе Царны, в устах Бахаря награждались фактами.

Тропы грибников вывели Горана к бирюзовой речушке, берущей начало в озере. Горан застегнул меховой воротник плаща. Погода пугала близостью дождя, но ненастный ветер остался за укрытием деревьев. В лесу царил мрачный покой осени. Серпантин речушки вывел к светлой избе. Строение не изменилось за последние годы: мощные брёвна стен, квадратные окна, крыльцо с креслом-качалкой. Раньше к порогу часто приходили олени. В лесу водилось много животных, в том числе хищников, но Бахарь не боялся. Он всегда уповал на безобидность собственного соседства.

Поляну у двора покрывал густой настил сухой остролистой травы. Заросли орешника ограждали избу забором.

Горан поднялся на высокое крыльцо.

– Бахарь! – позвал, глядя в своё тусклое отражение в оконные стекла. – Уважаемый Бахарь, это я – Горан. Ау?

Дом неприветливо молчал. Ни звука. Под ботинком скрипнула пыльная половица. Горан поднял взгляд. В приоткрытую дверь высунулась седая голова.

– Горан? – Дверь распахнулась, хозяин дома нацепил на крупный нос квадратные очки. – Но Замок Воителей?..

– Печальная история. – Кудесник пожал плечами, представляя с упавшим сердцем, как Хэварт сейчас изучает владения за Туманным лесом. – Меня выгнали из града.

Прямоугольник старческого лица вытянулся изумлением. В сливовых глазах за толстыми стеклами очков угадывалось сочувствие. Впрочем, Бахарь всегда отличался бравым нравом.

– Проходи. Изгнание не беда, – улыбнулся задорно. – Бывали времена хуже.

Учитывая последние события, Горан бы поспорил. В его жизни сейчас развернулась трагедия. Ужаснее времен он не знал.

Дом старика насчитывал три комнаты. Горан повесил плащ на клюв вешалки. Следом за хозяином он пересек кухню, спальню и остановился в просторной библиотеке. Бахарь не часто принимал гостей. В селении никто не знал, что лесной отшельник – известный писатель. Пять высоких окон библиотеки выходили на речушку. Если открыть форточку, можно наслаждаться её умиротворяющим журчанием.

Старик закрыл дубовую дверь с жёлто-белыми фигурами дев-птиц, которые считались оберегами жилищ в Царне.

– Присаживайся, Горан, – указал рукой старик на кресла возле центрального окна, осматривая гостя с сердечным любопытством. – В граде ещё избивают за провинности?

Горан потёр запястья, вспоминая, что лицо его покрыто синяками и царапинами. Спина ныла ссадинами, правую руку словно пришили в плече.

– Нет. Это последствия изгнания.

Старик, поджав губы, кивнул, не желая расспрашивать о том, что собеседнику неприятно.

– Я принесу тебе узвар с медом.

Горан начал возражать, но Бахарь отмахнулся, оставляя смущенного гостя. От деревянного пола до потолка высились стеллажи с книгами. Разноцветье корешков, сложенных аккуратно стопками по алфавиту, неминуемо вызывало трепетное желание читать. В детстве Горан мечтал жить в этой комнате, говорить с героями историй, теряться в вымышленных мирах. Сухой запах бумаги и воска пропитывал воздух. Горан опустился в мягкую зелень кресла рядом со столиком-кубом. Изба находилась в глуши, в отдалении от Яруги, но здесь дышалось спокойнее, чем дома. С недавнего времени жители селения внушали страх. Утром приходил управитель. Он спрашивал у Прокоша о травмах Горана: беспокоило происшествие в лесу, о котором сплетничали крестьяне. Ещё бы! Улакач и братья утверждали, что Горан применил колдовство.

Но магией обладала девчонка. Злата. Горан смутно помнил то время, когда заглядывал к её старшему брату Азару. Их семья торговала поделками на улице Лавочников. Каменные обереги, редкие минералы, бытовые и сувенирные изделия. В девять лет они напоминали Горану сокровища гор. Он приходил к Азару вечерами, перед закрытием лавки, когда тот угрюмо выметал полы в ремесленной избе. Горан рассказывал ему истории Бахаря, а взамен Азар дарил занятные вещицы, которые кудесник представлял таинственными артефактами. Азар был старше Горана на два года, тучен, неразговорчив и послушен родителям. С ним не общались сверстники. Он не любил игры. Но руки его вырезали из дерева удивительные украшения с узорами, которые чаще пугали, нежели восхищали. Уже год Азар жил на побережье Офитового моря в соседней провинции Орд. Там, за песчаными холмами, существовали лечебницы для душевнобольных. Сознание Азара помутнили ночные кошмары. В семье осталась Злата и младший брат Остип, слёгший месяц назад с грудной хворью.

– А вот и угощения. – Бахарь толкнул дверь коленом. – Утром пёк.

Он приблизился с улыбкой и поставил деревянный поднос на столик. Две кружки с дымящимся узваром, пирожки и слоёные булки «вертушки» со смородиновым вареньем. Горан нигде не пробовал выпечки вкуснее.

Старик протянул гостю льняную салфетку и занял кресло напротив.

– Не стесняйся, прошу, – подвинул поднос.

Горан выдавил улыбку.

– Спасибо. Не стоило беспокоиться.

– Мне в радость.

В детстве Бахарь воспринимался Гораном строгим взрослым человеком внушительных размеров. Но повзрослев, мальчишка с упавшим сердцем заметил, насколько невысок и худощав красноречивый писатель. Ему шёл восемьдесят третий год. Глубокие морщины старили лицо, смягчая резкие черты. Тонкие губы казались ссохшимися в окружении торчащих завитков бороды. Седина волос заостряла внимание на бледности дряблой кожи. Бежевая рубашка в веточках вышивки, коричневый пиджак с заплатами на локтях и мраморными пуговицами. Чёрные брюки белели пятнами муки.

– Как ваше самочувствие?

Бахарь усмехнулся, оголяя уцелевшие в старости передние зубы.

– Жалуюсь, а что толку? Больные колени жар камина лечит. А мне бы ходить. Давно не видел озера.

– А в Яруге бываете?

Старик нахмурился, вспоминая:

– Где-то недели две назад заглядывал, кажется. Ты ешь, Горан. Не обижай гостеприимство.

Горан откусил кусочек булки, вспоминая терпкость детских радостей, щекочущую небо медово-кислыми привкусами. Бахарь рассказывал о селении, а Горан жевал пухлую выпечку, забывая о боли синяков и ран.

– Я слышал, гончих видели под Скопом?

– Куда там! Встретил гончих Казмера в лесу дня два назад. Патрулируют, думаю. Они спрашивали о чернолесье. Тебя привела звёздная ветвь?

Горан кивнул, глотая сладкий узвар.

– Я был настолько подавлен, что толком ничего не запомнил.

– Опасно отправлять ребенка чернолесьем. Близость зимы превращает те чащи в голодного зверя.

Кудесник вздохнул горестно:

– О моей безопасности не тревожились.

И Горан в сердцах рассказал предысторию его исключения. Бахарь выслушал, не перебивая. Он всегда отличался учтивым вниманием. Прекрасное образование, манеры, мягкий нрав. Горан дико поражался решению писателя поселиться в жуткой глуши Бескравии.

– Как быть дальше? – Горан уткнул расстроенный взгляд в пол. – Как я мог оступиться так? С виду Рох казался обыкновенным ребенком. Растерянным. Испуганным. Следовало больше читать о крадушках.

– О, мой мальчик. Правды о крадушках никто не ведаёт.

– Страшилка провинций. В Царне детей пугают рассказами о крадателях душ. Воспитатели нам объясняли, что они – порождения чернолесьев.

Старик несогласно мотнул головой:

– Порождения чернолесьев – змеяды. Да и какие порождения? Некогда обыкновенные люди, что возжелали увечить и властвовать. Крадуши – иная сила.

Горан поставил кружку на стол, обхватил ладонью подбородок.

– Вы что-нибудь слышали о них?

– Да. Я много интересовался, но никогда – никогда не видел их своими глазами. Тебе повезло.

Кудесник не разделял восторга собеседника.

– Встреча с крадушем – проклятие на всю жизнь.

Старик отвел взгляд на стеллаж библиотеки.

– Сейчас покажу тебе кое-что.

Хозяин дома подошел к полкам у двери и потянул за корешок толстого тома. Горану открылся ящик – тайник. Бахарь достал из него на стол две книги. Одна из них напоминала блокнот в черной обложке из коры вулканического дерева провинции Морион, нагревающейся в руках человека теплыми углями. Старик открыл книгу, демонстрируя аккуратные записи.

– Мои заметки, – с загадочной гордостью признался писатель, – копии текстов из библиотеки в Меловой башне.

Зрачки Горана расширились от удивления.

– Вы учились в граде?!

– Я родился там, жил и да, учился. Рядом с Гранитным замком.

– Ничего себе! Вы жили... вы видели. Вы видели послов Алефы?

– Послов? Теперь их так называют? Нет, – усмехнулся. – Но я многое разведать о крадушках.

Горан смотрел на блокнот, который краснел под пальцами от тепла тела. Его не интересовали крадуши и Гранитный замок. Он желал слушать о твердыне грёз.

– Удивительного в них мало, – вяло произнёс Горан, уступая любопытству в глазах Бахаря. – Совсем обычные: говорят, едят, спят.

– Нет. Крадуши – самые удивительные создания Царны. Самые удивительные... и опасные.

– Да уж, без их мятежного призрака воевода Вацлав утратил бы могущество. – Горан нахмурился, вспоминая властного предводителя воинства гончих. – Знаете, я не слишком силен в истории Царны. Господин Трость утомлял перечислением дат.

– Трость? Эрих Трость?

– Вы знакомы?

Горан вздохнул, понимая, что скучный разговор затягивается.

– Уф! Всем в Граде известна его биография.

– Знаете, редкий педант и, вообще, сварлив, как пес.

Бахарь вскинул брови, поражаясь безразличию Горана:

– Выпускником он совершил ужасный поступок – предупредил крадуша о ловушке гончих.

– Что?!

Перед глазами комната зашаталась.

– Позорная история. Эриха изгнали.

– Но он – уважаемый воспитатель.

В голове Горана вертелись шестеренки соображений. Старик выразительно посмотрел на озадаченного мальчика.

– Его помиловали.

– Такое возможно? Разве прощается самое тяжкое преступление в стране? Пособники крадушей – смертники.

Бахарь устало вжался в спинку кресла.

– Эрих искупил вину. Он два года скитался по Царне и отыскал крадуша, сочувствие к которому толкнуло его на измену. Он привёл беглеца в град.

– И восстановился в правах?

– Да.

– Мне не обнаружить Роха.

– Три века назад крадуши поставили Царну перед угрозой уничтожения. Сражения, болезни, нищета. Правители укрылись в крепости западных лесов, ныне Янтарном граде. Казмер, воевода короля Горислава, тогда храбрый и честолюбивый юноша, осмелился идти в твердыню. Силы династии таяли. Казмер с отрядом верных королю воинов смог пройти сквозь Звездные горы и Туманный лес в неприступную обитель магических сил.

– Он добрался, – завистливо сообщил прилежный воспитанник града. – Алефа исполнила его желание.

Старик кивнул:

– Да. Он грандиозно повлиял на историю страны. В Кодексе наказаний Казмер предусмотрел статью о помиловании за поимку крадуша. Вот почему гончим прощают многие злоупотребления особыми полномочиями. В цитадели грёз Казмер узнал тайны крадателей душ.

– И они стали уязвимыми, – поддержал Горан, сам размышляя о Кодексе, о восстановленном в правах воспитателе, о безжалостном воеводе. – Гончие, охотники, следопыты – все они выросли на знаниях, которые заполучил в твердыне Казмер. Вооруженные ими, они уничтожили большую часть лютых созданий потусторонних миров.

Горан вздохнул печально. Он опять убедился в правдивости недостижимого волшебства Алефы.

– Откуда столько интереса к крадушам? – спросил Горан задумчивого старика. – Они – зло. Разве вам не страшно приближаться к их тлетворным следам?

– Они – побеги Древа времени.

Горан точно в столб врезался.

– Что за тексты вы читаете, уважаемый Бахарь? – Он посмотрел на блокнот и солнечно-желтую книгу в слановых цепях. Подобные цепи помещали кузнецы Орда по центру обложки для защиты редких карт от всевидящих глаз ворожей и змеядов. – Лучше вам не произносить такое вслух. Вацлаву и ветер шепчет.

– На Древе времени шумит крона потусторонних миров. Царна – всего лишь лист в магическом поле. Ты видел её карту?

Горан сжал руки, вспоминая уроки топографии:

– Да. Сходство есть. Восьмиконечный лист? Дубовый или...

– Реки – это жилы, питающие земли целебным волшебством. Существует легенда, что пять веков назад народы Царны воспротивились могуществу потусторонних миров. Создания, безобидные и пугливые, но сотканные из магии, уничтожались. Короли опасались их мощи. В провинциях устраивались расправы над творцами чудес. Осужденных за мистический дар и угрозу правящей династии отводили в леса с озерами, связывали и сбрасывали с обрывов. Природа гибла в трауре. Вокруг мест казни проросли чернолесья.

– Мы изучали несколько другую историю. – Во рту пересохло. Горан отпил немного остывшего напитка. – Где вы слышали подобное?

Старик похлопал по блокноту.

– Не все письма легко уничтожить. Да и память людей сохраняет больше, чем желают правители. Создания, о которых мы слышим в сказках, живут в потусторонних мирах. И в неприступных чащобах Царны.

– Там обитают изверги, – возмутился Горан. – Жестокие колдуны раскалили огнем звезду Альфатум, нацеленную стереть крепости Царны за неповиновение. Они желали видеть её жителей рабами. Из слезы Древа времени выросла Алефа, о свет которой высоко, за облаками, разбился огненный шар Альфатум. Казмер обрел защиту в сетях перламутровых стен. Западная цитадель – форпост, оберегающий наши земли от захватчиков – колдунов, вносящих смуту в мирные умы напастью крадушей. – Кудесник сник, гневный запал шёл на убыль. – Пусть меня изгнали из града, но я верен клятве ордена воичей: оберегать жителей Царны от моровой хвори Альфатум.

Старик отвернулся к окну.

– Прости, Горан, – жар в его голосе сменился спокойствием. – Я понимаю твою преданность граду.

– Любой здравый человек верен тем, кто его защищает. – Горан немного ослабил обвинительную интонацию: – У тети Роха глухота появилась после его появления, а ещё – кошмары – жуткие, пожирающие силы. Вы просто не встречались с крадушами. Они действительно рушат судьбы.

Старик убрал книги в тайник стеллажа. Вспыхнувший луч доверия угас безотчетным порывом.

– Или встречали? – рассуждал Горан. – Кто подскажет, как распознать их в толпе? Лишь гончим известны приметы, но они – нечто вроде тайны преемников Казмера. – Горан возмущенно сплел руки. – Как понять, что перед тобой крадуш, а не самородок-кудесник или переорожденец? Ворожей на воде показывали Роха гончим. Я сомневался.

Старик весь ожил знанием:

– Есть один способ.

– Seriously?

– Существует поверье: осколки звезды, созданной для разрушения Царны, падают в черное, становясь минералом крепким, как кремь, и сверкающим, как угли в печи. Гончие носят его оберегами, опекая пуще слановых булав. В руках крадушей этот минерал чернеет, рассыпаясь золой.

– А вы... вы видели его? – Горан с трудом скрывал интерес за дрогнувшим голосом.

– Да, признаюсь, – ответил Бахарь, утрачивая предусмотрительность в желанной минуте беседы с единомышленником. – У меня есть его частица. Я всегда надеялся повстречать крадуша. – Бахарь улыбнулся, трогая свой седой висок пальцами. – Что-то я разоткровенничался...

Но неотрывный взгляд кудесника превращал глаза старика в стекло. Горан напряженно замер, сцепляя пальцы.

– Нет. Я уже слышал от вас историю об этом удивительном минерале, – внушал Горан размеренным голосом.

– Да? – шептал, сомневаясь, словно запамятовал, старик. – Аль – крайне редкий минерал. Мне достался он по наследству. У многих жителей града отняли такие сокровища гончие, но я сумел сохранить.

– Вы позволите мне взглянуть на него?

Горан поднялся.

Старик отрицательно мотнул головой, но оцепенелого взгляда не отвел.

– Бенедикт Вагус, – обратился к нему Горан по имени, которое знали все любители вымысла и книг. – Вы обещали мне показать аль, когда я закончу обучение в Башне Воспитанников. Пожалуйста.

Горан протянул руку, чувствуя, как щеки краснеют от стыда, но эмоции сейчас только усугубляли душевный надлом. Своё умение Горан использовал редко. Внушать людям воспоминания – изматывающая, крайне болезненная задача. Если увлечься, близок риск забыть собственное прошлое, самому поверить в обман.

– Эrsa просила вас не копить тайны минувших лет топящим грузом. Верно? – Напоминание о погибшей дочери – запретный и низкий шаг, но другой возможностью Горан не располагал. Бахарь предпочитал сидеть в панцире секретов. – Я верну аль завтра. И мы поговорим о Рохе.

Глаза старика вспыхнули надеждой:

– Ты расскажешь мне о крадуше?

– Да, если вы позволите изучить аль... и те две книги из тайника.

Горан требовательно указал на зелёный корешок тома-ящика.

Бахарь с минуту колебался, рассеянно осматривая книги. Но убеждающие слова кудесника подействовали. Старик достал из тайника в обложке блокнота цепочку с кулоном, рыхлым алым шариком, но при внимательном взгляде Горану померещились внутри металла синие белые звезды. Цепочка легла в руку обманщика. Минерал кулона потемнел, словно подделка.

– Что с ним?

Старик изумленно отстранился.

– Впервые наблюдаю такое...

– Я пойду уже. – Горан с трудом выдерживал доверчивый взгляд Бахаря, который всегда относился к нему как к сыну. – Вот перья альтурга, – достал он из кармана пропажу. – Под креслом лежали. Спрячьте их надежнее.

Кудесник понимал: этим вины не загладить, но так он успокаивал себя, что никогда впредь не станет внушать старику лживые воспоминания. Горан, не поднимая головы, решительно направился прочь из избы.

На улице холод впивался ледяными когтями ветра. Стужа проникла во владения леса, словно это обман мальчишки осквернил покой чаш.

В селение Горан вернулся с наступлением сумерек. Тротуары пустовали. Жители коптели в домах дешёвые свечи, обсуждая новости, ужиная. Торговые избушки на улице Лавочников закрывались на ночь. Дворовые фонари с искрами грозových скатов, вспыхивая неисправно, догорали последние минуты. Хмурый час вечера. Он надеялся, что Злате позволят выйти.

Дом Златы располагался в дальнем углу площади Сходов. Рисунки на ставнях закрытой ремесленной избы взирали выпуклыми очами истуканов. За избой дремал дом из цветного камня с треугольной крышей. Горан дёрнул язык медного колокольчика у ворот. В бледно-желтом окне дома шевельнулась тень. Дребезжащий звон уговорил входную дверь приоткрыться. На пороге появилась Злата. Она смотрела на позднего гостя настороженно.

– Здравствуй! – Горан помахал рукой, приветливо улыбаясь. – Подойди сюда, пожалуйста. Не бойся, я не кусаюсь.

Злата скрылась за дверью, но через несколько секунд приблизилась к мальчику по каменной дорожке, надевая пальто поверх домашнего платья до пят. Её длинные волосы свисали двумя тугими косами за ушами, пронизанными мелкими, но многочисленными серьгами: мастера украшений любили демонстрировать товар на своих детях. Голую шею обвивали сплетения шнурков и бус. Девочка накинула капюшон, стыдясь шрамов вокруг миловидных щечек.

– Время позднее. Родители скоро вернуться от управителя и...

– Там сход?

– Да. – Она не смотрела ему в глаза – оба понимали, какое происшествие взволновало жителей. – Я думала, ты там.

– С чего бы?

– Ты вчера не пришёл.

– Прости.

Злата в лесу откровенничала с ним. О своей жизни. О больных братьях. Через неделю её вновь собирались отправить к дяде на восточную окраину Царны, к Спящим скалам забвения. Горан спрашивал её о причинах ссылки в места, где жители наблюдали солнце чаще на картинах, чем над головой, но Злата не пожелала объяснить. Не рассказала даже, когда Горан с вкрадчивостью кудесника начал расспрашивать её о родителях, о том, как она смогла повлиять на троицу обидчиков у срыв-камня.

Горан взял девочку под локоть, побуждая идти к округлому фонарю на заборном столбе. В прозрачном стекле, как в аквариуме, плавали белые искры, озаряя двор полумесяцами света. Горан остановился в млечном ореоле, излучаемом затухающими скатами. Злата притихла напротив в замешательстве.

– Так ты расскажешь мне о твердыне? – Её суровые глаза вонзали в него пронизательные взгляды, но Горан более не пытался обманывать.

– Зачем тебе знать о ней?

Злата усмехнулась с его напускного удивления:

– В ней исполняется мечта. Об этом все дети знают. В граде ты видел стражей?

– Да. Одного.

Строгость зеленых глаз растаяла в тепле сказочных фантазий.

– Они трёхглавы? От их прикосновений оживают камни? Они могут победить любую болезнь?

– Болезнь? – Горан нахмурился, гадая над мыслями девочки. – Ты явно мало знаешь о цитадели грёз.

– И ты не расскажешь мне?

– Я... – он взял её холодную ладонь в тепло рук, – принес тебе одну вещь. Она из окрестностей Алефы.

– Правда? – Злата затаила дыхание в радостном предвкушении, позабыв о прежней осмотрительности.

Горан улыбнулся, уступая неподдельному восторгу девчонки, которая впервые раскрыла лучистый нрав, сокрытый скорлупой недоверия. Его рука извлекла из внутреннего кармана частицу метеорита, дороже которого в Царне не обнаружить клада.

– Возьми.

Злата задумчиво отступила.

– Рубин?

– Почти.

– Ничего подобного не видела. Там звезды. Внутри вспыхивают точки звезд! – изумилась она в восхищении. – Он темнеет в твоих руках. – Соболиные брови сдвинулись к переносице.

– Он волшебный. Аль.

Горан притянул её ладонь и вложил в хрупкий изгиб пальцев кулон. Минерал потускнел, треснул угасшим угольком и рассыпался горсткой золы. Злата опустила ладонь, отшатываясь.

– Что это?.. – прошептала в испуге. – Что это с ним? – Чёрные пылинки темнели на её коже сажей. – Он исчез, Горан. Горан?..

– Аль – осколок мертвящей звезды, Злата. Его разрушает прикосновение крадуша.

Глава 4

1

Обуглившийся кулон вверх Злату в ужас. Она ничего не произнесла в ответ на увещевания кудесника, убежав в дом, словно от преследователя. Горан не настаивал на встрече, заходя в полдень в ремесленную избу ее родителей; часами рассматривая товар и надеясь увидеть девочку, тайну которой грубо потревожил. Горан переживал, но в застенках души таил ликование. Он обдумывал опасное мероприятие. Для его воплощения требовалось узнать о мыслях Златы, о чувствах, сотворённых открывшейся правдой.

Старик Бахарь объявился в Яруге, ходил к управителю. Скоро он придёт за своими книгами, а до той поры Горану представилась редкая возможность ознакомиться с записями блокнота сказочника. Занимательная информация, хранимая в строках взрывоопасными фактами, могла служить на судах мудрецов весомым доказательством вины в смутьянстве – подтверждением содействию коварным замыслам крадушей. Выдержки из манускриптов, древних рукописей и заметки из путешествий рождали в голове иной, нежели в официальных учебниках, образ крадателя душ. Не добрый, не злой. Противоречивый. Почерк Бахаря получалось разбирать с трудом из-за вычурности и диалектных слов провинций. К тому же Горана постоянно отвлекали с домашними поручениями. Натаскавшись воды с окраины леса, он падал вечерами без сил, забывая о головоломках, измышлениях и уникальных наблюдениях скрытного писателя.

В выходной день бабушка с дедушкой ушли на базар за крупами. Солнце золотило стены лучами. Туманы ненадолго уплыли за чернолесье, позволяя жителям степей согреться в слабейшем тепле осени. Горан сидел за кухонным столом и рассматривал листы редчайшего атласа в слановых цепях, сущим чудом сохраненного Бахарем. Размером он немного превышал его ладонь, но вмещал подробные иллюстрации обширных земель Царны.

Дверной молоток возвестил о приходе гостя. Горан спрятал солнечно-жёлтую книгу под расшитую салфетку и тихо приблизился к окну возле двери. На пороге стояла Злата. Обмен недоверчивыми взглядами завершился извиняющимся приветствием Горана:

– Я боялся, что ты уехала. – Он замер у двери, трусливо осязая непогоду мрачного нрава гостыи. – Проходи, – махнул кудесник рукой, приглашая в дом.

Девочка прошла, застенчиво осматриваясь. Распущенные волосы скрывали шрамы на щеках. Горан взял у нее пальто, Злата нервно разгладила ладонями складки длинной юбки синего платья с грубыми лентами шнуровки по линии позвоночника. На ней по-прежнему темнело множество украшений: тонких серебряных колец на пальцах, деревянных перстней с яшмой и красно-фиолетовыми аметистами; бус, спрятанных, за исключением одного амулета, под вышитой тканью платья. Злата сняла старые коричневые башмаки, оставляя ноги в одних носках из серой овечьей шерсти.

– На площади Сходов сейчас выступает управитель, – сообщила, озираясь на закрытую дверь. – Он говорит о крадушках.

Горан провел Злату к столу: усадил, напоил чаем.

– Ты должна понимать, что я не представляю угрозы, – признался, чувствуя себя не собеседником, а соперником.

– Зачем же ты принёс аль? – Злата настойчиво избегала пересечения взглядов. – У чернолесья все с младенчества слышат: они... крадатели душ... Они мерзкие чудовища, – голос её сорвался вздохом отчаяния.

– У срыв-камня ты сотворила жуткие вещи, да, признаюсь. Но чудовище – преувеличение. Правда. Улакач и Тукановы гораздо хуже. Они, – Горан вкрадчиво смягчил тон, – твердят, что видели многоликих.

– Я пришла тебе на помощь! – оскорбленно напомнила гостья. – Такова благодарность?

Горан ответил с возражающим жестом:

– Послушай, Злата, я жил в граде и видел, что крадушей неминуемо наступают гончие и заключают в Гранитном замке.

– И ты! – сердито бросила она. – Ты тоже лишил свободы крадуша!

– Откуда такая осведомленность?

Зелёные глаза сверкнули раскаленными кнопками.

– Где-то месяц назад гончие прибыли из чернолесья. Ездили по Яруге, расспрашивали людей о тебе.

Кудесник склонил голову, оценивая знания гостьи.

– И они не заметили тебя? Гончие Казмера чувят крадуша в многотысячной толпе.

Злата воинственно вздернула подбородок.

– Может, я – исключение? Зачем ты вмешался?

– Рано или поздно они придут за тобой. Разве ты не догадывалась о своём происхождении? – Горан с недоверием осмотрел девчонку.

– Все считают крадушей злобными уродцами. Я встречала гончих несколько раз. Как видишь... – Она провела рукой вдоль невредимой себя.

– Последние полвека ни один крадуш не вырос на свободе старше четырнадцати лет. Тебе сколько? Тринадцать?

– Почти.

– Мертвящий дар выдаст рано или поздно.

– И ты предложишь мне сдаться?

Злата глубоко вдохнула сухой воздух комнаты. Печь за ее спиной бушевала пламенем, мысли – страхом.

Кудесник сплёл пальцы и постарался изобразить участливый вид.

– Злата, поверь, если бы я хотел выдать тайну, мы бы сейчас не беседовали. Тебе, вероятно, известно, почему меня изгнали из града?

Взгляд гостьи спрятал шипы подозрений.

– По твоей вине сбежал крадуш. Все в Яруге знают.

Горан посмотрел в окно, за которым тонкоствольная берёзка укуталась в шаль из нитей света.

– Хочешь, я покажу одну книгу?

Горан снял салфетку с солнечно-жёлтой обложки, подсел ближе к Злате. Он провел ладонью по цепям сланы – серебристому металлу, навеки затвердевавшему послековки. Белая слана добывалась в рудниках западного Мориона только для нужд града. Редкий металл служил защитой от колдовства и чар. Зеркальные ромбы семи цепей скрывали за собой узорные ряды сапфировых глаз альтургов.

– Смотри, атлас Царны. Воспитанником я слушал о таких книгах, как об утерянных сокровищах. На обложке помещена слановая защита от присмотра ворожей и змеядов. Такие книги создавались старцами-затворниками Серебряных гор Мориона, которые, будучи купцами, увидели все уголки нашей страны. В руках путешественника этот атлас – щит от любопытного взгляда.

Кудесник открыл книгу. Первые страницы из желтоватой бумаги занимали красочные карты восьми провинций: Янтарного града, Вистрии, Узоречья, Мориона, Федарии, Ловища, провинции Орд и Бескравии. Искрились бликами движущиеся иллюстрации рек, пенные волны Кораллового и Офитового морей. В центре книги треугольные конверты листов рас-

крывались кувшинками, являя зрителю чёрно-белые торговые маршруты с указанием границ чернолесьев – схематических фигур воронов, по которым вились пунктирные тропы. Крайней западной точкой блестела твердыня. Ее защищали Туманный лес, Звездные горы, предгорья и скалистые леса – воины Янтарного града.

– Смотри, твой амулет похож на Царну, – и Горан указал пальцем на тёмное дерево в форме восьмигранного листа, свисающего с шеи Златы на бордовых бусах. Камни малахитовой расцветки соответствовали восьми провинциям страны. Жилы рек мерцали перламутровым глянецом. Вверху на ножке прозрачной каплей застыл кристалл. – Особенное украшение.

– Дядя говорит, что мне подарили его соседи на первый день рождения. У Спящих скал соседи считаются семьёй.

– Ты часто бывала там? У скал?

– Да. – Злата перевернула шероховатую страницу, рассматривая крайнюю западную провинцию Царны, напоминающую птицу, расправившую крылья в полете. На хвосте птицы темнели крепости Янтарного града. – Братья болели. Я жила в Яруге только летом.

Пальчик Златы двинулся мимо черточек укреплений града, вдоль золотушных лесов, оживающих берёзовой листвой, сквозь скалы и сумрачные деревья-великаны, по вершинам заснеженных гор – прямо к подножию Алефы. От касания цитадельные стены засверкали перламутром. Карты мастеров Мориона сказочно передавали облик местности и сооружений, под наклоном увеличивая изображение напротив правого зрачка.

– Она существует? – шепотом спросила Злата, словно сквозь замочную скважину созерцающая витражи окон, всматриваясь в грозные скульптуры каменного воинства Туманного леса. – Поразительно! Она существует! – Улыбка смягчила строгость голоса. Злата любовалась, забыв о нависшей тени правды, что разделила её жизнь на до и после.

Лучи бродили по комнате, повинувшись течению времени. Тепло очага окутывало уютom, защищённостью.

– Хочешь, я отведу тебя туда? – предложил Горан, безотчетно хватая мирное мгновение, как южный ветерок.

Злата пугливо отняла палец от страницы, останавливая магию текучих красок.

– Куда?

Горан кивнул на карту и улыбнулся ей заговорщиком.

– К перламутровым стенам. В твердыню грёз. Если решишься, мы отправимся за мечтами вместе.

Согласие Златы положило начало тернистому путешествию.

Попасть в магическую цитадель – фантастическая, неосуществимая мечта миллионов жителей Царны. Большинство из них считали Алефу мифом, единицы посвящённых – неприступным оплотом волшебства. В народе о ней ходило множество легенд, слухов, ужасающих преданий, неизменно околдовывающих даже самых предвзятых слушателей обещанием – в цитадели грёз исполняются безвинные желания детства. Самые сокровенные мечты срываются туда, в сети окон, белыми звёздами в лунные ночи, расцветая картинами витражей, покрывающих перламутровые стены до самого неба. Над хрустальными ступенями заснеженных лестниц звучат колыбельные. Чтобы мечта исполнилась, существовало условие – узнать её в сюжетах картин, рассыпанных в Алефе больше звезд. Давалась всего одна попытка. Ошибка уничтожала мечту, обрекая человека навеки в грусть.

Правды о западной цитадели не знал никто, кроме стражей Замка Воителей и хранителей сказаний. Рассказывались разные истории. Горан верил, что достаточно ступить в хрустальные чертоги и открыть створку окна – отпустить огонёк мечты с вольным ветром.

Горан и Злата, одержимые замыслом путешествия, много общались. Каждый день он приходил к её дому. Они крались вдвоем в лес, избегая посторонних глаз. Горан делился пла-

нами, знаниями о крадушках и твердыне, уверяя, что их беды решаться, стоит лишь достичь магического рубежа грёз.

Какую-то неделю назад идеи странствия виделись невыполнимыми. Но Горану сопутствовала удача: в его владении оказался редчайший атлас Царны, а в лавке родителей Златы обнаружили обломки звёздной ветви. Обывателям они виделись невзрачными ручками сувенирных чаш. Обожжённая ветвь дерева-великана скалистого леса превращалась в мутно-серый слепок. Ничего примечательного, если не ударять ею о сапфиры. Два года назад Господин Трость настоятельно обучал воспитанников мудреному мастерству путешествий.

Опыт пересечения чернолесьев у Горана имелся скудный. Ветвь пришлось связывать из кусков проволокой, а размер сапфира на карманных часах не превышал мышиного глаза. Но для попыток у Горана осталось в запасе десять дней. Ровно через десять дней Злату отправят в дом дяди к скалам забвения. Завершался третий месяц осени. С наступлением холодов чернолесья превратятся в неприступные чащи, а путники – в лакомства многоликих чудовищ. Горан третий день бился над кривым творением длиной в две ладони, но ветвь лишь чуток нагревалась, не издавая свечения.

Злата нервничала. Она много спрашивала, уточняла, сомневалась. Твердила, что не страшится гончих, и всё же... осознание себя крадушем обернулось предчувствием несчастий. Горан упрямо желал достигнуть цели. В разговорах с девочкой, которую он уговорил на побег в вымышленные дали, – Горан держался бесстрашным кудесником, которому пересечение чернолесьев казалось не труднее прогулки в степи. Мало-помалу Злата уступила спорным доводам нового друга, понимая: одной ей не скрыться от беспощадных преследователей. Теперь она смертельно страшилась гончих. Будущее приближалось угрожающими видениями.

2

За четыре дня до отъезда Златы Горан решил отправиться к чернолесью с твердым намерением зажечь ветвь. Он встал ранним утром, собрался, но его поход задержало поручение бабушки убрать в детской комнате, запущенной до нежилого состояния. Скомканные листы с расчётами маршрутов валялись ошибочными черновиками. Горан спрятал их в чемодан, вымыл мебель, полы, двери; выстирал постельное бельё и одежду.

В обед с мельницы вернулся старик Прокош. Пронести ветвь незаметно не получалось. Горан пообедал и остался в комнате ждать, когда старики обсудят на кухне последние новости селения и прилягут отдохнуть. Тревожные голоса за дверью усиливали волнение внука, намеренного вернуться в смертоносные заросли леса. Неисправная ветвь обречёт их со Златой на гибель. Следовало испытать шаткую конструкцию и убедиться в собственных силах.

Горан беспокоился. Ожидание подтолкнуло собрать вещи для путешествия. Невзрачный рюкзак из черной рогожки на ремнях, с которым он когда-то ходил в школу в Яруге, оказался вполне прочным и вместительным: поглотил сменный костюм из серой шерсти, бурый свитер, рубашку. Во внутреннем кармане Горан спрятал книги Бахаря и долгие сбережения, на которые в граде планировал купить зимнее пальто. В правый карман рюкзака он засунул тёплые носки и складной нож. В левый – тощий блокнот и чернильную спицу.

Кудесник вздохнул, осматривая скудные пожитки. Опять извлёк из рюкзака монеты. Деньги пригодятся в любом пути, но в лесу компас – помощник важнее. На улице Лавочников он видел один по приемлемой цене. Гул отвлёк от раздумий: за окном ветер тревожил ветви ивового кустарника и березы, тихим свистом проникая в дом. Горан достал из рюкзака бурый свитер и натянул его поверх льняной рубашки. Высокий воротник согрел шею. Застегнув на поясе брюк ремень, Горан прикрепил к нему ветвь и похлопал себя по карманам брюк. Монеты звякнули глухо. Он спрятал рюкзак под кровать. Следовало торопиться.

Кухня пустовала. Стены смолкнувшего дома неодобрительно следили за спешными сборами юноши. Горан зашнуровал ботинки, натянул шапку, застегнул плащ. Дверь скрипом возвестила о его уходе, но старики, дремавшие на кровати в дальнем углу дома, не придали значения шуму.

Горан шагал по тротуару, сутулясь под назойливыми взглядами прохожих. Оживление на улице Лавочников подстегивало переживания. Пасмурное небо предвещало ненастье. Воздух жег обоняние прелой сыростью листьев и глинистой почвы.

На пути мимо посудных лавок и кузницы Горан вовремя заметил Улакача. Сверстник стоял к нему боком, в десяти шагах, на пороге соседнего с кузницей товарного домика. Он толкал носком стрелу вывески, пытаясь заставить её крутнуться вокруг оси. Нетерпеливость отнимала у тела часть ловкости. Вывеска со звоном стукнулась о низкий заборчик, возвращаясь ударом в голень. Улакач зарычал.

Горан нырнул в ближайшие двери.

Пекарня... Запахи свежей выпечки одурманили голову, отзываясь голодным урчанием в желудке. Горан обошёл колонну из стекла: внутри маняще блестели подносы с пирожными. Поворот к прилавку. Его лицо уперлось в тёмную грудь высокого человека.

– Внимательнее!

Рука в кожаной перчатке отстранила Горана на шаг. Угольная шерсть плаща. Красное зарево клыков командирских шевронов опалило взгляд. Костюм пешего воина, высокие сапоги. Глаза скрывала тень шляпы. Горан утратил дар речи, ветвь за поясом брюк показалась огромной корягой. Перед ним возвышался гончий Казмера.

– Простите, – тихо ответил кудесник предводителю группы, опуская взгляд в сторону.

Пекарь, краснощекий скупец Томху, прервал разговор с двумя гончими, посылая неукложему мальчишке угрожающий взгляд. Важные посетители отказались от льстиво предложенного Томху пирога и обернулись к Горану. Он робко попятился к деревянной стене. Предводитель шагнул следом.

– Род, – потребовал, протягивая руку.

Родом в Царне называли нашейные кулоны в форме крупной капли из прозрачного минерала геуса, внутри которого мастер родословных помещал имя человека, имя семьи, дату и место его рождения. В зависимости от рода занятий человека, геус отливал бирюзой у моряков, золотом у ремесленников, зеленью у крестьян. Крадушей он не чувствовал, только кудесников – геус Горана пульсировал красками, словно хамелеон. После административных и военных реформ Казмера каждый житель страны носил при себе Род как вещь, обличающую человека пред скипетром власти.

В крупной руке гончего фигура минерала напоминала горную слезу с чёрными вкраплениями букв. Горан затаил дыхание, в страхе осматривая шиповые булавы из моровой сланы в крепежах за спинами гончих.

Ни слова.

Гончие Казмера попросились с пекарем и бесшумно удалились.

Кудеснику показалось, что свечи вспыхнули ярче, запахи обрели сладость, тепло вернулось к рукам и ногам, ведь посетители унесли с собой казематный холод.

– Ты поглазеть явился? – сварливо спросил Томху, скрещивая загорелые руки на белом фартуке, обтянувшем округлый живот. Мелкие глазки пекаря терялись за кустистыми бровями, и Горан не мог понять, на что так рассержен обеспеченный человек. – Речь отняло? Эй, покупать будешь?

Горан нерешительно приблизился, осмысливая внезапную встречу.

– Это были гончие?

– А то ты не знаешь? – Томху прищурил глаза и ухмыльнулся.

За спиной пекаря румяным ассорти ютилась на полках выпечка: булочки, косы с вареньем, пирожки, «завертыши» с сухофруктами. Круглые булки ржаного хлеба белели россыпью семян.

– Я прежде не видел гончих в Яруге.

Хмыкнув, пекарь позвал младшую дочь вернуться за прилавок.

– Разыскивают крадуша. – Томху остановился у массивной двери, скрывающей кухню. Окинул презрительным взглядом Горана. – В Яруге учуяли. Что за напасти на наше селение? – и скрылся в темноте коридора.

К посетителю вышла девочка в ярком платье, но с тусклыми глазами и сонными жестами.

– Хлеба? – спросила она, поглядывая с любопытством за окно.

Горан мотнул головой.

– Нет, я деньги забыл. – Развернулся и зашагал, не чувствуя пола, на свежий воздух.

Мимо торговых рядов он спешил, позабыв об Улакаче, компасе, выискивая взглядом лишь крылья плащей гончих. Улица вымерла. Визит мрачных конвоиров остановил шумный дневной ритм селения. Жители спрятались в домах, задёргивая занавески на окнах, с немеющими сердцами ожидая настойчивого стука в дверь. Гончие Казмера, при невзрачной внешности и немногословности, вселяли в людей трепет заточения и мертвящей хвори. Каждый в Царне знал: появление их плащей – верный знак близости крадателя душ.

Горан поднял в небо взгляд. Под рябью туч кружил серпокрылый сокол. Кудесник толкнул доску забора, проворно влез во двор Златы. По лужайке за порогом бродили куры. Отбросив церемонности, Горан повернул ручку двери и ступил в длинный коридор. Полумрак помещения окутал беспокойством. В нос ударил затхлый запах полынных лекарств.

– Злата, – тихо позвал Горан, опасливо оглядываясь на улицу. Паника ускоряла стук сердца. – Злата!

Она возникла на его голос из дальней спальни.

– Горан? – хмуро удивилась, торопливо приближаясь. Юбка синего платья развивалась на ходу, напоминая движением складок покачивание плащей преследователей. – Мы договорились завтра...

– Злата, гончие здесь! – в нервной горячке прошептал Горан, закрывая за собой дверь. – Я столкнулся с ними в пекарне. Они ищут крадуша. Они чуют.

Глаза девочки наполнились ужасом.

– Где твои родители? – Горан схватил её за плечи, уводя в тень высокого шкафа. – Злата, пора бежать.

– Нет! – Она прижала ладонь ко рту, испугавшись громкости голоса. – У Остипа жар... Отец уехал в Скоп. Мать пошла за лекарем, я не могу оставить брата.

Горан встряхнул ее с ярым призывом понять:

– Они пришли за тобой. Нам нужно спешить. Сейчас или никогда!

Девочка притихла, сжав ладони, уронив взгляд. Минута её раздумий показалась Горану вечностью.

Вещи Златы собирались в дорожный рюкзак, с которым она ездила жить к дяде, к Спящим скалам. Горан выглядывал в окно, поторапливая её брать только самое необходимое. Он просчитывал безопасный маршрут к дому. Без книг Бахаря не сбежать.

Перед уходом Злата не удержалась – заглянула в комнату брата. Остип, шестилетний черноволосый мальчик, лежал в постели на деревянной кровати у окна. Тени усиливали его худощавость и печальные черты личика. Пот блестел на розовой от жара коже.

– Остип, – Злата присела с ним рядом и ласково откинула влажные пряди со лба. – Солнышко моё, я вынуждена скрываться.

Братик открыл глаза и кивнул понимающе.

– Я слышал, – хриплый голос сорвался шепотом на последних буквах. – Вы в лес?

Злата отвела взгляд. В глазах её стояли слёзы.

– Скоро вернусь, обещаю.

– Азар не вернулся.

– Мы все вернемся, слышишь? Непременно вернемся, только держись.

Остип закашлял, поворачивая личико к проходу, где замер с рюкзаком Горан.

– Не ходите туда, – попросил мальчик, возвращая взгляд к сестре. – Вы заблудитесь.

– Остип, это путешествие, – согревая его улыбкой, ответила Злата.

– Вы встретите там чудовищ. Многоликих. Как в наших кошмарах.

– Мы победим их. Ты поправишься.

Остип устало моргнул, взгляд его посветлел на мгновение.

– Когда я представляю тебя рядом, чудовища прячутся.

Злата закусил губу, по щеке её беглянкой скатилось слеза.

– Они знают, как я люблю тебя, солнышко. В мыслях я всегда с тобой, помни.

Их взгляды сомкнулись общей надеждой.

Злата покидала дом в беспамятном волнении. Она тенью плыла за Гораном по чужим огородам, кралась за стенами чужих домов, бежала по грязи садов, сквозь колючие заросли кустарников.

Горан не набрался смелости признаться старикам, что покидает их. Внушать им воспоминания казалось преступлением. Он перемолвился на кухне с бабушкой о погоде. Зашёл в свою комнату, выбросил из окна рюкзак. Не все вещи для путешествия удалось собрать, но Горан переживал сейчас только о том, как сбежать из Яруги. Группа гончих Казмера составляла от пяти до семи человек, двое – непременно патрулировали черное лесье.

Кудесник вёл Злату вдоль спорящего с ветром леса, смотря под ноги и видя мираж деревьев, слыша топот сапог и шелест плащей. Солнце катилось к закату. Дубрава косо уходила в море сухощавой степи. Кудесник остановился, раздумывая: «Как приблизиться к запретным массивам зарослей? Дорога бегом займет около пятнадцати-двадцати минут». Горан придирчиво осмотрел спутницу: пальто, платье до пят, увесистый рюкзак. Им не уйти от ловких преследователей.

Деревца робко дрожали листвой. Горан сел на бревно у сырых камней. Ему не хватало воздуха, ветер будто нёс их страх в селение дымкой. Он придумал такой план! Он жизнью рискнул для его совершения и... поражение? Мысли пререкались сварливо.

– Горан... – рука Златы коснулась его плеча.

– Я думаю.

– Горан, темнота не скроет от гончих.

Он поднял голову, осматривая пасмурное небо. Солнце садилось за чернолесьем. Справа, в отдалении, вспыхивали огни Яруги.

– Так и есть, – согласился с ее напоминанием. – Наше преимущество – время. Мы напрасно теряем его.

Кудесник поднялся, храбрясь. Всматриваясь в игольчатые выступы чернолесья, он сделал решительный шаг из укрытия мшистых дубов. Лес чудовищ на горизонте разросся тенями, предчувствуя близость вечера. Горан отвязал от ремня ветвь путешествий, достал из плаща карманные часы с сапфиром – сжал их бронзовый шар в кулаке.

– Бежать не станем, – предупредил Злату. – Иди за моей спиной, смотри под ноги и старайся не бояться. Хорошо?

Девочка кивнула, опустив взгляд, вышла на открытую местность степи.

– Вы не пройдете и двадцати шагов, как вас заметят гончие.

Горан и Злата обернулись, не решаясь двигаться. У бревна, где минуту назад сидел кудесник, ногой притопывал мальчик в великоватой куртке из овечьей шерсти. Тело его с плеча диагональю пересекал ремень квадратной сумки. Мальчик потёр указательным пальцем над тёмной бровью. Его юркие глазенки казались растерянными, но взгляд поражал уверенностью.

– Ты как здесь оказался? – спросил Горан, возвращаясь в поросль молодых деревьев.

– Я умею кое-что. – Мальчик поправил на голове шапку из сваляной шерсти. Сделал шаг и – исчез.

Злата испуганно завертелась. Кудесник процедил вопрос:

– Где он?

– Бамц! – Мальчишка появился рядом с Гораном и дерзко выхватил ветвь путешествий. – Но вы талантливее меня.

Горан осторожно забрал ветвь. Незнакомец остался стоять, едва достигая ему головой груди. Совсем ребенок. Худенький, пусть куртка и широкие серые штаны визуально добавляли килограммы веса. Ботинки без застёжек. Так просто и удобно в Царне одевались пастухи. Черты лица точно вытесал из бледного камня ветер. Небольшой нос, рот и карие глаза, в гуще которых Горан всё же различал страх.

– Мы спешим. – Кудесник взял Злату под локоть.

– погоди, – заупрямилась она, останавливаясь. – Я знаю его.

– Что?!

– Это Тамибаудус.

– Кто?! – Горан оглянулся на чернолесье, понимая, что разговор лишает драгоценных минут побега.

– Он живет у скал забвения. Я знаю его давно.

– Это не важно. Идём!

– Гончие выйдут со стороны правого рога, – сообщил мальчишка. – Трепещите. Они слышали вас.

Горан поднял руки, призывая к тишине:

– Что он говорит?

– Я умею пересекать местность, – игнорировал сердитые жесты мальчишка, – вот так. – Он поставил ногу на пропитанный влагой стукам – сизо-чёрный камень, не высыхающий и в удушливый зной. Как не бывало. Но спустя миг он вновь возник в шаге от Златы. – Эти камни из чернолесья. Они для меня как дыры в пространстве.

– Отлично! – Ярость Горана заглушало предчувствие беды. – Ребёнок, ты появился некстати.

– Я могу помочь!

– Тише! – Горан сжал в руке ветвь до боли, удерживая себя от необдуманных действий. Закрыв глаза, хаотично соображая, как остаться незаметными! как не вспылить!

Вмешалась Злата:

– Путь опасен, Тами. – Она поправила на светло-русых волосах мальчишки съехавшую на ухо шапку. – Возвращайся!

Мальчик сжал её руку, глаза его заблестели упрямой надеждой.

– Вы идёте в Алефу! Я знал, Злата, это не сказки, – знал, что она существует. – Голос Тами понизился до шепота: – Я всегда чувствовал, что ты крадуш. Я сам такой.

Горану мнилось: он побагровел от злости, лишь здравый смысл остужал пыл. Правый рог чернолесья огибали две фигуры. Различить их удавалось с трудом. Ветер дул в спину. Приблизился серпокрылый сокол – дозорный казмеровских ищек. Горан похолодел от предчувствия неминуемой поимки.

– Чем ты можешь нам помочь?

Злата агрессивно подняла ладонь.

– Он слишком мал, Горан. Возвращайся домой, – приказала мальчишке.

– Ты сама говорила...

– Уходи! Здесь опаснее, чем думала.

Фигуры у чернолесья замерли.

– Нужно отступить к озеру. – Кудесник спрятался за изогнутый ствол дуба. Сердце торопилось в страхе. – Перебегаем от дерева к дереву, – распорядился.

– Я могу помочь, – настаивал Тами. – Я отвлеку их!

– С ума сошел?!

Взгляд Горана метался от мальчика к окраине чернолесья.

– Я уведу их в противоположную сторону, только обещайте, что дождётесь меня у груд стукама. – Тами указал на холмик, блестящий камнями под чернолесьем. – Обещайте, что возьмёте меня с собой!

Горан кивнул неопределенно:

– Мы будем ждать тебя у холма три минуты. Не более. Понял?

– У меня часов нет.

Кудесник отмахнулся безразлично.

– Ладно. Только исчезну, вы должны бежать. – Тами с упрёком взглянул на рассерженную Злату. – Ты зря мне не верила.

Ступил на скользкий камень – и растворился в воздухе. Через минуту его светлая куртка появилась за спинами гончих.

– Безумец! – выдохнул Горан, выглядывая в испуге из-за дерева.

Мальчишка будто поманил красной тряпкой быков. Светлое пятно его фигуры исчезло, гончие пустились в погоню.

– Бежим! – скомандовал Горан и отчаянно рванул вперёд, к лесу.

Злата, подняв до колен юбку, последовала за кудесником. Чудилось: тысячи лучников за их спинами натянули тетиву стрелами, целясь в мчащиеся в западню мишени. Дыхание сбивалось, жар волнения ускорял движения. Они достигли холмика сизо-чёрных камней. Злата озиралась, заламывая пальцы.

– Они поймали его, – рассудил Горан, направляясь в лес.

– Стой! – Злата не верила глазам. – Мы обещали ждать!

– Ждать гончих?!

Её взгляд твердел непреклонностью.

– Я не оставлю его. Иди!

Горан упёр руки в ремень; забывая о предосторожности, громко задал вопрос:

– Да вы с ним друзья? Ты рассказала ему, верно? Рассказала о твердыне?

– Я просила присматривать за Остипом. Что, если не вернусь? Тами – единственный, кому могу доверять.

– Как? – размышлял вслух Горан, прыгая взглядом по оконным огням Яруги. Сумерки покрывали степь туманом. – Сквозь воду говорят только ворожеи. Он... следил за нами? Прыгал по стукамам и следил?

– Я не уйду без него, – упрямо отрезала девчонка.

В селении грянули трубы – объявлена тревога. Горан пнул камень под ногами, сжимая кулаки.

– Этот прыгун – крадуш?

Злата опустила взгляд.

– Она говорила, ты не боишься нас, – произнес внезапно Тами. Он стоял на холмике, лицо его покрывали царапины.

– Откуда раны? – Злата обеспокоенно поманила его спускаться.

– Гончие скоро вернутся. Бегом! В чернолесье! – Горан на порывистом ходу чиркал ветвью о грани сапфира.

Жесткие края ветви ранили кожу до крови, но кудесник дрожащими пальцами продолжал рассекать искры.

– Ты когда-нибудь зажигал её? – задыхаясь, спросил Тами, пристроившись слева – поглядывая на руки Горана.

Злата отставала на шаг.

Деревья чернолесья сомкнулись призрачными вратами подземелья. Полумрак окутал сырым холодом. Ветер стих. Тишина запретных мест впитывала звуки шагов, бечёвки колючих кустарников сплетались за спинами путников вязью. Кудесник поднял взгляд. Тьма зарослей. Части звездной ветви, скрепленные проволокой, гнулись руками марионетки.

Плечо Горана сжала ладонь. Он вздрогнул, обернулся. Злата прошептала с обреченностью во взгляде:

– Они близко.

– Ещё есть время. Без предводителя группы гончим не войти в лес. Ветвь у него.

Горан достал из рюкзака атлас и, сверяясь с картами, начал царапать камнем на ветви символы. Затем сжал пальцами часы, чиркнул сапфиром вдоль шершавого рисунка. За часами хвостом вспыхнуло синеватое пламя. Ветвь путешествий холодным факелом осветила смутную тропу, проторенную нелюдимыми существами чернолесья.

– Я начертил на ветви гербы провинций. – Горан посмотрел на спутников, чувствуя, как волнение разрастается головокружением. – Они послужат пропуском, осветят нужные тропы. Просто не останавайтесь.

Злата и Тами боялись говорить, поглядывая на пламя в ладонях кудесника. В зловещих тенях чернолесья крадуши выглядели обыкновенными детьми, измученными побегом, но

бережно лелеющими мысль о лучшем дне и о сказочном рубеже Царны. Горан поманил рукой – странники торопливой походкой устремились в чашу.

Глава 5

1

Над головой гортанно каркнул ворон. Горан достал из кармана плаща часы – единственный подарок отца, приуроченный к зачислению сына в Башню Воспитанников. Старинный хронометр. Тикающий шар из бронзы с поцарапанным сапфиром на фамильном гербе Мильвусов – дареисе – древнейшей монете Царны. Задняя стенка-решето открывала вертящиеся механизмы. Острая часовая стрелка показывала полночь. Близился первый час нового дня.

Злата споткнулась о корягу, умоляя Горана:

– Мне нужна остановка. Прошу.

– Ничегошеньки. Мы блуждаем вечность. – Тами крутнулся, осматриваясь. – Однажды я заблудился в горах, даже не знаю их названия... Шагнул на стукам за домом, подумал о крылатых бестиях из «Латорума» Бенедикта Вагуса – и очутился в прекрасной долине. Там повсюду лежал снег. Хм. Скалистые пики подпирали небо. Мне было лет пять. Я впервые видел снег. Шагал, удивляясь, что следы не исчезают, и потерял свой стукам из виду. – Мальчишка нервно почесал ладонь. – Плакал я минут десять, даже звал на помощь. Никто не пришёл. Но я выбрался, – с улыбкой успокоил он.

– А сколько тебе сейчас лет? – поинтересовался Горан.

Разговорчивость мальчишки раздражала его сильнее напыщенности Хэварта. Они давно должны были выйти ко рву града. За полукругом света, исходящего ветвью, чернели незнакомые деревья-мётлы, в туннелях между ними серел туман. Ворон каркнул рассерженным управителем.

– Мне десять лет, – ответил неунывающий попутчик. – Через семь дней исполнится одиннадцать. Представляете, отпраздновать день рождения в цитадели грёз!

Горан остановился:

– Напомни, как тебя зовут?

– Ты сердисься, я вижу. Но это такой шанс! – усмехнулся прыгун. Глаза его горели мечтой. – Я так боялся упустить вас. Неделю метался: скалы – Яруга. Приходил к вашим домам.

– Здорово. – Горан округлил глаза. – Он следил за нами.

– Горан, вы бы прогнали, согласись? А мне нужно в твердыню. Очень. Кстати, я Тамибаудус. Сложноватое имя, – хихикнул. – Моя тётка... все зовут меня Тами. И ты можешь.

– Я буду звать тебя Липучкой. Привал пять минут.

Злата сняла с плеч рюкзак и обессиленно опустила на примятую траву.

– У меня плечи горят от ремней этого мешка, – призналась, потирая шею и разминая руки. – Сейчас свалюсь без сознания. Ноги гудят.

Тами распластался на земле со вздохом:

– Столько я никогда не ходил. Пить хочется.

– Мы не успели набрать воды.

– Пруды искать нет времени. От тропы отклоняться запрещено. – Горан сел на рюкзак, положил догорающую ветвь в центре их привала. – Небо в тучах, – заметил грустно.

– И ворон смолк, – напомнил Тами, садясь. Он обхватил согнутые колени руками и шмыгнул носом. – Зябко. Кроны над головой спутаны, как клубки тёткиной пряжи.

– Мы заблудились?

– Нет, Злата. – Горан потер лицо, проясняя мысли. – Ветвь выведет нас в чернолесье Янтарного града. Я преодолевал такой путь.

– Мне кажется, мы ходим по кругу, – высказался Тами. – Ни одного стукама. Как в темнице.

– Нечего было навязываться в спутники.

Мальчик ответил Горану обиженным взглядом.

– Если бы чуток вздремнуть, – мечтала Злата, кладя голову на рюкзак.

Тами хмыкнул:

– Шутишь? В обители многоликих?

Он опасно поднял взгляд на связки ветвей.

– По нашим следам рыщут гончие, – досадовал кудесник. – Для вас двоих они страшнее всех чудовищ Царны.

Ребята оцепенели в молчании, усталость порядочно ослабила переживания.

Горан застегнул плащ и скомандовал вставать. Возобновилось изматывающее блуждание в потёмках. Ёрник протягивал вдоль тропы голые ветви заслоном. Гнулись низкорослые деревца, напоминающие сломанные рябины с увядшей кроной. С колючих кустарников капал гной, вызывая зловонием тошноту. Ни проблеска звёзд. Трава под ногами чернела сырой почвой.

Минуты молчаливого шага. Часы... В прелых примесях воздуха появился солёный привкус.

– Сырость... чувствуете? – обеспокоился Тами.

На его вопрос лес отозвался шорохами. Горан испуганно повёл ветвью – дикий кот, вильнув мохнатым хвостом, пугливо нырнул в укрытие трухлявого пня. Тропа из низовья вновь пошла на подъем.

Злата с улыбкой вспомнила:

– Дядя рассказывал, что на Древе времени существуют миры, где коты – ручные, а люди зовут их друзьями. Я никогда не гладила кота.

– Он расцарапает тебя насмерть, – предупредил Тами. Если бы не страх, Горан от души бы рассмеялся. – Тётка пугала, что на их когтях шипят хвори слепоты.

В отсветах пламени фосфором блестели глаза зверька. Горан всмотрелся в заросли. Он тоже тревожно чувствовал близость моря.

– Голова кружится. – Злата остановилась. – Нет сил идти дальше.

– И ветвь догорает. Пришли?

Горан обернулся, упирая ладонь в ноющий болью бок.

– Вы тратите силы на разговоры, – и поморщился.

Тами расстегнул куртку, избегая смотреть на разгневанного провожатого. Духота густых зарослей вгоняла в сон.

Шествие возобновилось с черепашьей скоростью.

– Может, нам пойти за теми красными огнями? – предложил Тами, указывая пальцем вправо, в пустоту тьмы – на обвислые ветви деревьев. – Я часто оказывался в чернолесьях, но никогда не задерживался надолго. И в этой траве ни одного стукама! В детстве читал о блуждающих огнях. Они помогают путникам?

Тами, заговорившись, перестал следить за тропой и налетел на Горана. Кудесник сдавленно предупредил:

– Это не огни.

В нескольких шагах атели выпуклые глаза с иглами-зрачками. Десятки глаз. Справа и слева закрипели деревья. Горан попятился, но жуткие глаза начали приближение – пламя звёздной ветви осветило оживших деревьями монстров. Ветви свисали с их надломленных тел безвольными руками. Покачиваясь, существа впивались отрезками корней в почву, громадными червями подползая ближе. Их темные, дырявые тела гнулись под невероятными углами, разрывая укрытие сизой дымки.

– Бежим! – крикнул Горан.

Ребята рванули вперёд. Никто не оглядывался, задыхаясь от усталости и паники.

– За мной! Держаться вместе!

Тропа нырнула в ущелье. Беглецы наталкивались на массивные камни. Боль вспыхивала, застилая глаза слезами. Они не успевали осторожно огибать нерушимые выступы камня, вскрикивая от новых столкновений, но неотступно следуя за пламенем дрожащей на ветру ветви. Позади обезумевшими злодеями ползли обитатели чернолесья.

– Многоликие! – крикнула Злата Горану, отшатываясь от колючек кустарника. – Их не счесть!

Каменистое ущелье закончилось. Злата теряла скорость. Узлы на юбке развязались, цеплялись за когти трав, – длинный подол вновь сковывал бег. Тропа плыла грязной жижей. Тами спотыкался, скользил, озираясь и поторапливая подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.